

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

**DISSERTATIONES
SLAVICAE**

**МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ
ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ
STUDIES IN SLAVIC PHILOLOGY
SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN**

**SECTIO
LINGUISTICA
XXIX
2011**

X 148185

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

**DISSERTATIONES SLAVICAE
SECTIO LINGUISTICA
XXIX**

**SZEGED
2011**

SZTE Egyetemi Könyvtár

1000948870

PUBLICATIONES INSTITUTI SLAVICAE IN UNIVERSITATE SZEGEDIENSI

REDACTORES CONSTITUENTES:

József Juhász

Imre H. Tóth

SOCII REDIGENDI:

Ibolya Bagi, István Ferincz, Mihály Kocsis

REDIGIT:

Károly Bibok

SERIEM PUBLICATIONUM EDENDAM CURAT:

Henrietta Majoros

X 148 185

© Auctores, 2011

HU ISSN 0324-6523 Acta Univ. Szeged.
HU ISSN 0237-9554 Diss. Slav.

СОДЕРЖАНИЕ

Антошкив, Галина: Церковный календарь с соответствующими чтениями <i>Милятинога евангелия</i> и их место в тексте	5
Багмут, Ирина Витальевна: Звуконаименования в идеографической структуре (на материале украинского языка)	19
Жерева, Мария Стоилова: Отрицание, семантична структура на глагола и актанти	27
Zsifkovics-Mándity, Ágnes: <i>Bog u hrvatskim frazemima</i>	33
Молхова, Галина Якова: Някои аспекти на пълно съответствие при соматични фразеологизми в български и английски език	39
Попова, Татьяна: Постигане на перлокутивен ефект чрез илокутивен акт (на материал от разговорната реч)	43
Сулима, Олеся Петрівна: Дієслівно-іменні описові звороти у функції складеного присудка	53
Х. Тот, Имре: Ласло Хадрович и Сегед	65
Tölgyesi, Tamás: K vojenskému názvosloví habsburské armády (1620–1918) ..	71
 Рецензия	
Firisz, Hajnalka: Latinsko-hrvatsko-njemačko-mađarski rječnik Andrije Jambrešića	81
К сведению авторов	93

ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ С СООТВЕТСТВУЮЩИМИ ЧТЕНИЯМИ МИЛЯТИНОГО ЕВАНГЕЛИЯ И ИХ МЕСТО В ТЕКСТЕ

Галина Антошкив

(Antoskiv Galina, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
antoskivgalina@hotmail.com)

Милятино евангелие (MmE) – древнейшая пергаментная рукопись. Написана уставом, двумя переписчиками. Время создания определяется концом XII или началом XIII вв. На основании листа 160б из записи попа Домки, на котором упоминается голодный год, а также по данным *Новгородской летописи*, предположительно идет речь о 1188 г., 1215 г. или 1230 г. Формат 1 (30 x 23,5). Рукопись состоит из 1 + 160 листов без начала и конца (самый последний лист сохранился), лист 78 выпадает, у листа 1 оборван край внешнего поля, у листа 2 внешнее поле надорвано. Сохраняется в ГПБ, Ф.п. I. 7 (Жуковская 1976: 289; Карский 1979: 294; Шмидт 1984: 143).

По содержанию и структуре *MmE* – богослужебная книга, относящаяся к Евангелию-апракос, а точнее – Евангелие-апракос полный. Содержание *MmE* состоит из чтений или зачал, взятых из глав и стихов четырех евангелистов.¹ Полный апракос – богословная книга, которая использовалась для недельных чтений, предназначенных не только субботним и воскресным церковным службам. Состоит из двух частей: синаксария и месящеслова. В синаксарии чтения расположены соответственно подвижному церковному календарю (от Пасхи до Пасхи), а в месящеслове они относятся к неподвижному, гражданскому календарю, начинающемуся с 1 сентября. Синаксарий состоит из 5 циклов:

- 1) от Пасхи до Пятидесятницы (Духова дня) продолжительностью 50 дней;
- 2) от Пятидесятницы до Нового лета, приходящегося на начало сентября, – продолжительностью 16–17 недель в зависимости от даты Пасхи;
- 3) от Нового лета до Великого поста, продолжительностью 16–17 недель в зависимости от начала поста (его начало на семь недель предшествует Пасхе);
- 4) Великий пост, продолжительностью 6 недель;
- 5) Страстная седмица (неделя) (Алексеев–Лихачева 1987).

---

¹ При разделении текста *MmE* на отдельные слова и определении глав и стихов зачал – как ориентировочные работы – используются: Ягич 1960 и Kocsis 1994.

MmE выделяется из ряда других полных апракосов составом чтений, их последовательностью и местом в тексте рукописи. Изучению подлежит первая часть апракоса. После текстологического исследования приблизительно 500 рукописей до начала XV в., среди которых 200 единиц полного апракоса, Л.П. Жуковская (1976) разделила их на две группы. К первой группе относится основная часть рукописей. Представителем этого типа служит древнейшая рукопись – *Мстиславово евангелие* 1115–1117 гг. Широко известен сербский памятник *Мирославово евангелие*, написанное примерно в 1200 г., представитель второй группы. Разница небольшая, но историческая: будние чтения из Марка в *Мирославовом евангелии* во втором периоде (цикле) начинаются на неделю раньше.

Исследования содержания рукописей мстиславового типа от Пятидесятницы до Нового лета, на основе изучения дополнительных чтений, дали возможность выявить мстиславовский и милятинский классы рукописей. Имеются первичные рукописи, в которых отсутствуют чтения дополнительной недели, но основная часть содержит чтения дополнительной недели. Разница состоит в том, в котором месте и какого содержания чтения. В первую группу относим те рукописи полного апракоса, где имеются чтения дополнительной недели, расположенные после вс. 16-й нд. (возможны два или семь), – это так называемый мстиславовский класс. Во второй группе чтения расположены так: два после вс. 16-й нд. и пять после вс. 4-й нд. Древнейшим представителем такого написания и является *MmE*, отсюда и название класса – милятинский класс. Рукописи, относящиеся к милятинскому классу, составляют ограниченное число. Особенность *MmE* характеризуется тем, что дополнительные чтения на пн., вт., ср., чт., пт. находятся после 4-й нд. А следующие за ними чтения на сб., вс. соответствуют порядку в остальных полных апракосах. Они совпадают с чтениями на сб., вс. соответствующих недель в кратких апракосах. Вследствие этого – чтения на сб. и вс. предшествуют чтениям на будничные дни, происходит сдвиг на одну неделю вперед.

Еще одна особенность *MmE* обнаруживается в 3-м цикле. С начала Нового лета исчисление дней недели происходит не с понедельника, а с субботы. Последовательность такова: суббота, воскресенье и затем понедельник, вторник и т.д.

К особенностям *MmE* относится также несовпадение имен евангелистов с соответствующими библейскими главами и стихами. Такое явление объясняется недостаточностью знаний, необразованностью переписчика или, изначально, в прототипе уже существовало такое несоответствие.

В начале зачал всегда имеются вступительные слова, среди них наиболее распространенные: **въ оно крѣ 1б; рѣ гѣ сконча сученикомъ 2б; въ оно**

ѡѣѣ кѣзведѣ ꙗѣ очн скон на оученикы скоѣ рече бб; рѣ ꙗѣ 15а; рече ꙗѣ кѣ при-
шѣдѣшимѣ кѣ немѣю нѣудѣемѣ 48г.

При анализе чтений по циклам сравниваются зачала *MmE* с указателем евангельских и апостольских чтений церковных современной Библии (Библия 2000: 1346–1355) и с таблицей № 10 Л.П. Жуковской (1976: 274–283). Несовпадения некоторых стихов (отсутствие, замена, дополнения) с современными изданиями Библии (Библия 2000; Библия 1990: 641–647) и в то же время их совпадения с вышеуказанной таблицей объясняются историческими изменениями, произошедшими в ведении богослужения.

I. Начало *MmE* приходит на ср. 6-й нд. по Пасхе – И. XII: 42;² между листами 2 и 3 разрыв; 2г: конец пт. 6-й нд. по Пасхе – И. XIV: 1–11; 3а: начало вс. 7-й нд. по Пасхе – И. XVII: 5; 5а: ср. 7-й нд. – отсутствует стих И. XVI: 17; 7а: сб. 7-й нд. – дополнительный стих И. XXI: 14.

II. С пн. 5-й нд. (по общему счету 12-й) находятся вставочные чтения. 9а: пн. 1-й нд. – из-за неразборчивости текста стихи Мф. XVIII: 10–12 трудночитаемые; 10а: вт. 1-й нд. – дополнительные стихи Мф. IV: 23–24; 14а: пн. 2-й нд. – вместо Мф. VI: 31–34, VII: 9–11 в *MmE* стихи Мф. VI: 25–33, VII: 13–14; 29а: вт. 6-й нд. – отсутствует стих Мф. XII: 16; 30б: чт. 6-й нд. – отсутствуют стихи Мф. XIII: 1–3; 30в: пт. 6-й нд. – дополнительные стихи Мф. XIII: 3, 10–13; 32а: пн. 7-й нд. – отсутствует стих Мф. XIII: 12; 43в: вт. 10-й нд. – отсутствуют стихи Мф. XVIII: 20, XIX: 1–2; 45г: пт. 10-й нд. – отсутствует стих Мф. XXI: 17; 53г: чт. 12-й нд. – дополнительные стихи Мф. XXIV: 29–33; 55а: пт. 12-й нд. – вместо Мф. XXIV: 27–33 в *MmE* стихи Мф. XXIV: 42–51; 61а: вт. 14-й нд. – дополнительные стихи М. III: 20–21; 72в: вс. 16-й нд. – отсутствует стих Мф. XXV: 30; 73г: пн. 17-й нд. – слова зачал переплетаются – М. VI: 53 и 54; 74в: вт. 17-й нд. – отсутствуют стихи М. VII: 5–7; 75а: ср. 17-й нд. – отсутствует стих М. VII: 15.

III. Следует иметь в виду, что согласно Уставу,³ чтения евангелия от Луки начинаются с понедельника после недели по Воздвижению, а в *MmE* – с субботы. В сыропустную неделю в среду и пятницу литургии не бывает. 82б: пн. 2-й нд. – отсутствует стих Л. IV: 37; 86в: чт. 3-й нд. – вместо Л. VII: 17–30 в *MmE* стихи Л. IX: 7–11; 90г: сб. 5-й нд. – стихи Л. VII: 1–10 совпадают с таблицей № 10 Л.П. Жуковской (1976: 274–283), а по Библии (2000) стих Л. VII: 1 дополнительный; 98а: вс. 7-й нд. – отсутствуют стихи Л. VIII: 36–37; 102б: пн. 8-й нд. – в Библии (2000) стихи Л. XII: 13–15, 22–31, а в *MmE* и по вышеназванной таблице № 10 Л. XII: 13–21; 110а: вт. 10-й нд. – в Библии (2000) стихи Л. XVII: 26–37, а в *MmE* Л. XVII: 26–36, XVIII: 1–8;

² Сокращения: Мф. – Матфей; М. – Марк; Л. – Лука; И. – Иоанн; римскими цифрами обозначаются главы, обычными цифрами – стихи евангелистов.

³ http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Церковный_Устав_Владимира.

111а: ср. 10-й нд. – вместо Л. XVIII: 26–30 в *MmE* стихи Л. XVIII: 15–27; 118а: ср. 12-й нд. – в *MmE* находим Л. XXI: 5–11, 20–24 вместо стихов Л. XXI: 5–7, 10–11; 119а: пт. 12-й нд. – отсутствует стих Л. XXII: 8; 124в: ср. 14-й нд. – в *MmE* отсутствует М. X: 12; 125в: пт. 14-й нд. – отсутствует М. X: 23; 127б: вт. 15-й нд. – в *MmE* отсутствуют стихи М. XI: 15–18; 129а: вс. 16-й нд. – находим Мф. XV: 21–28.

IV. 147а: вс. 1-й нд. Великого поста – находим И. I: 44 вместо И. I: 43, 45–51.

V. 157а: вт. 6-й нд. Великого поста – недостает стиха Мф. XXIII: 11. Результаты моего исследования V цикла *MmE* не совпадают в двух случаях с данными, находящимися в каталоге (Шмидт 1984: 143). Во-первых, чтения обрываются не на страстной пятнице, как указано в каталоге, а на утрене страстного вторника: Мф. XXIII: 34, лист 159в–г. Во-вторых, в каталоге (Шмидт 1984: 143), где идет речь о принадлежности почерков, стоит: «Два почерка: I – лист 1а–44г, 64а–71г, 77в–160б; II – лист 45а–63г, 72а–77б». В данном перечислении лист 160в–г не упоминается, он указывается лишь тогда, когда пишется о содержании чтений: «евангелия на разные случаи – лист 160б–г». По данным моих исследований, последний лист: 160а–б. Его содержание по столбцам: чтения на каждый день оканчиваются листом 159в–г, лист 160а содержит утренние воскресные евангелия 10-е и 11-е, в столбце 160а последняя строка – это начало чтений на разные случаи (над больным бесноватым, на освящение церкви, об умерших). Столбец 160а трудночитаемый, поэтому данные взяты из каталога (Шмидт 1984: 143). Окончание столбца 160б содержит имя писца, его слова благодарности, имя заказчика рукописи.

Итоги моих исследований *MmE* как полного Евангелия-апракоса отражены в нижеследующей таблице:

циклы	лист, столбец	день недели	номер недели	название недели	евангельские чтения церковные на каждый день
I.	1а	–	– (6)		И. XII: 42–47
	1б	чт.	2 (6)		Л. XXIV: 36–53
	2б	пт.	2 (6)		И. XIV: 1–11
	2г	сб.	2 (6)		И. XVII: 5–13
	3в	пн.	3 (7)		И. XIV: 27–31, XV: 1–7
	4в	вт.	3 (7)		И. XVI: 2–13
	5а	ср.	3 (7)		И. XVI: 15–16, 18–23
	5г	чт.	3 (7)		И. XVI: 23–33
	6б	пт.	3 (7)		И. XVII: 18–26
	7а	сб.	4 (7)		И. XXI: 14–25

П.	8а	вс.	А	(1)	Пятидесят- ницы	И. VII: 37–52, VIII: 12
	9а	пн.	—	(1)		Мф. XVIII: 13–20
	10а	вт.	А	(1)		Мф. IV: 23–25, V: 1–13
	11а	ср.	А	(1)		Мф. V: 20–26
	11в	чт.	А	(1)		Мф. V: 27–32
	12б	пт.	А	(1)		Мф. V: 33–41
	12г	сб.	А	(1)		Мф. V: 42–48
	13б	вс.	А	(2)	Всех Святых	Мф. X: 32–33, 37–38, XIX: 27–30
	14а	пн.	Б	(2)		Мф. VI: 25–33, VII: 13–14
	14г	вт.	Б	(2)		Мф. VII: 15–20
	15а	ср.	Б	(2)		Мф. VII: 21–23
	15б	чт.	Б	(2)		Мф. VIII: 23–27
	15в	пт.	Б	(2)		Мф. IX: 14–17
	16а	сб.	Б	(2)		Мф. VII: 1–8
	16в	вс.	Б	(2)		Мф. IV: 18–23
	17а	пн.	Г	(3)		Мф. IX: 36–38, X: 1–8
	17в	вт.	Г	(3)		Мф. X: 9–15
	18б	ср.	Г	(3)		Мф. X: 16–22
	18в	чт.	Г	(3)		Мф. X: 23–31
	19б	пт.	Г	(3)		Мф. X: 32, 34–36, XI: 1
	19в	сб.	Г	(3)		Мф. VII: 24–29, VIII: 1–4
	20б	вс.	Г	(3)		Мф. VI: 22–33
	21а	пн.	А	(4)		Мф. XI: 2–15
	21г	вт.	А	(4)		Мф. XI: 16–20
	22а	ср.	А	(4)		Мф. XI: 20–26
	22г	чт.	А	(4)		Мф. XI: 27–30
	23а	пт.	А	(4)		Мф. XII: 1–8
	23в	сб.	А	(4)		Мф. VIII: 14–23
	24а	вс.	А	(4)		Мф. VIII: 5–13
	24г	пн.	Е	(5)		М. III: 6–12
	25а	вт.	Е	(5)		М. IV: 24–34
	25г	ср.	Е	(5)		Л. XV: 1–10
	26в	чт.	Е	(5)		М. VI: 30–39, 45
	27б	пт.	Е	(5)		М. XIII: 3–9

	27г	сб.	ѐ	(5)		Мф. IX: 9–13
	28а	вс.	ѐ	(5)		Мф. VIII: 28–34, IX: 1
	28в	пн.	ѐ	(6)		Мф. XII: 9–13
	29а	вт.	ѐ	(6)		Мф. XII: 4–15, 22–30
	29в	ср.	ѐ	(6)		Мф. XII: 38–45
	30б	чт.	ѐ	(6)		Мф. XII: 46–50
	30в	пт.	ѐ	(6)		Мф. XIII: 3–12
	31а	сб.	ѐ	(6)		Мф. IX: 18–26
	31в	вс.	ѐ	(6)		Мф. IX: 1–6, 8
	32а	пн.	ѐ	(7)		Мф. XIII: 9–11, 13–23
	33а	вт.	ѐ	(7)		Мф. XIII: 24–30
	33в	ср.	ѐ	(7)		Мф. XIII: 31–36
	34а	чт.	ѐ	(7)		Мф. XIII: 36–43
	34в	пт.	ѐ	(7)		Мф. XIII: 44–54
	35б	сб.	ѐ	(7)		Мф. X: 37–42, XI: 1
	35г	вс.	ѐ	(7)		Мф. IX: 27–35
	36б	пн.	и	(8)		Мф. XIII: 54–58
	36в	вт.	и	(8)		Мф. XIV: 1–13
	37а	ср.	и	(8)		Мф. XIV: 35–36, XV: 1–11
	37г	чт.	и	(8)		Мф. XV: 12–21
	38б	пт.	и	(8)		Мф. XV: 29–31
	38в	сб.	и	(8)		Мф. XII: 30–37
	39а	вс.	и	(8)		Мф. XIV: 14–22
	39г	пн.	и	(9)		Мф. XVI: 1–6
	40а	вт.	и	(9)		Мф. XVI: 6–12
	40в	ср.	и	(9)		Мф. XVI: 20–24
	40г	чт.	и	(9)		Мф. XVI: 24–28
	41б	пт.	и	(9)		Мф. XVII: 10–18
	41г	сб.	и	(9)		Мф. XV: 32–39
	42б	вс.	и	(9)		Мф. XIV: 22–34
	42г	пн.	и	(10)		Мф. XVIII: 1–11
	43в	вт.	и	(10)		Мф. XVIII: 18–19, 21–22, XIX: 13–15
	44а	ср.	и	(10)		Мф. XX: 1–16
	45а	чт.	и	(10)		Мф. XX: 17–28
	45г	пт.	и	(10)		Мф. XXI: 12–14, 18–20

	466	сб.	ī	(10)		Мф. XVII: 24–27, XVIII: 1–3
	46г	вс.	ī	(10)		Мф. XVII: 14–23
	47в	пн.	āī	(11)		Мф. XXI: 18–22
	47г	вт.	āī	(11)		Мф. XXI: 23–27
	486	ср.	āī	(11)		Мф. XXI: 28–32
	48г	чт.	āī	(11)		Мф. XXI: 43–46
	49а	пт.	āī	(11)		Мф. XXII: 23–33
	49в	сб.	āī	(11)		Мф. XIX: 3–12
	50в	вс.	āī	(11)		Мф. XVIII: 23–35
	51в	пн.	ēī	(12)		Мф. XXIII: 13–22
	526	вт.	ēī	(12)		Мф. XXIII: 23–28
	52г	ср.	ēī	(12)		Мф. XXIII: 29–39
	53г	чт.	ēī	(12)		Мф. XXIV: 14–33
	55а	пт.	ēī	(12)		Мф. XXIV: 42–51
	55г	сб.	ēī	(12)		Мф. XX: 29–34
	56а	вс.	ēī	(12)		Мф. XIX: 16–26
	57а	пн.	īī	(13)		М. I: 9–15
	576	вт.				
	57в	–	īī	(13)		М. I: 16–22
	57г	ср.	īī	(13)		М. I: 23–28
	586	чт.	īī	(13)		М. I: 29–35
	58г	пт.	īī	(13)		М. II: 18–22
	59	сб.	īī	(13)		Мф. XXII: 15–22
	59г	вс.	īī	(13)		Мф. XXI: 33–42
	60в	пн.	āī	(14)		М. III: 6–12
	61а	вт.	āī	(14)		М. III: 13–21
	61в	ср.	āī	(14)		М. III: 20–27
	62а	чт.	āī	(14)		М. III: 28–35
	62в	пт.	āī	(14)		М. IV: 1–9
	63а	сб.	āī	(14)		Мф. XXIII: 1–12
	63г	вс.	āī	(14)		Мф. XXII: 2–14
	64в	пн.	ēī	(15)		М. IV: 10–23
	65в	вт.	ēī	(15)		М. IV: 24–34
	66а	ср.	ēī	(15)		М. IV: 35–41
	66в	чт.	ēī	(15)		М. V: 1–20
	67в	пт.	ēī	(15)		М. V: 22–24, 35–43, VI: 1

	68a	сб.	ѐī	(15)		Мф. XXIV: 1–13
	68г	вс.	ѐī	(15)		Мф. XXII: 35–46
	69б	пн.	ѐī	(16)		М. V: 24–34
	69г	вт.	ѐī	(16)		М. VI: 1–7
	70a	ср.	ѐī	(16)		М. VI: 7–13
	70в	чт.	ѐī	(16)		М. VI: 30–45
	71в	пт.	ѐī	(16)		М. VI: 45–53
	72a	сб.	ѐī	(16)		Мф. XXIV: 34–44
	72в	вс.	ѐī	(16)		Мф. XXV: 14–29
	73г	пн.	ѐī	(17)		М. VI: 53, 55–56, VII: 1–8
	74в	вт.	ѐī	(17)		М. VII: 8–16
	75a	ср.	ѐī	(17)		М. VII: 14, 16–24
	75г	чт.	ѐī	(17)		М. VII: 24–30
	76a	пт.	ѐī	(17)		Мф. VIII: 1–10
	76г	сб.	ѐī	(17)		Мф. XXV: 1–13
	77б	вс.	ѐī	(17)		Мф. XV: 21–28
III.	77г	сб.	ѐī	(1)		Л. IV: 31–36
	78б	вс.	ѐī	(1)		Л. V: 1–11
	78г	пн.	ѐī	(1)		Л. III: 19–22
	79a	вт.	ѐī	(1)		Л. III: 23–38, IV: 1
	79г	ср.	ѐī	(1)		Л. IV: 1–15
	80б	чт.	ѐī	(1)		Л. IV: 16–22
	80г	пт.	ѐī	(1)		Л. IV: 22–30
	81б	сб.	ѐī	(2)		Л. V: 17–26
	82a	вс.	ѐī	(2)		Л. VI: 31–36
	82б	пн.	ѐī	(2)		Л. IV: 38–44
	82г	вт.	ѐī	(2)		Л. V: 12–16
	83a	ср.	ѐī	(2)		Л. V: 33–36
	83в	чт.	ѐī	(2)		Л. VI: 12–19
	84a	пт.	ѐī	(2)		Л. VI: 17–23
	84в	сб.	ѐī	(3)		Л. V: 27–32
	84г	вс.	ѐī	(3)		Л. VII: 11–16
	85a	пн.	ѐī	(3)		Л. VI: 24–30
	85в	вт.	ѐī	(3)		Л. VI: 37–45
	86a	ср.	ѐī	(3)		Л. VI: 46–49, VII: 1
	86в	чт.	ѐī	(3)		Л. IX: 7–11
	86г	пт.	ѐī	(3)		Л. VII: 31–35

87a	сб.	А	(4)	Л. VI: 1–10
87г	вс.	А	(4)	Л. VIII: 5–15
88в	пн.	А	(4)	Л. VII: 36–50
89б	вт.	А	(4)	Л. VIII: 1–3
89в	ср.	А	(4)	Л. VIII: 22–25
89г	чт.	А	(4)	Л. IX: 7–11
90б	пт.	А	(4)	Л. IX: 12–18
90г	сб.	Б	(5)	Л. VII: 1–10
91б	вс.	Б	(5)	Л. XVI: 19–31
92a	пн.	Б	(5)	Л. IX: 18–22
92б	вт.	Б	(5)	Л. IX: 23–27
92г	ср.	Б	(5)	Л. IX: 44–50
93a	чт.	Б	(5)	Л. IX: 49–56
93в	пт.	Б	(5)	Л. X: 1–15
94б	сб.	В	(6)	Л. VIII: 16–21
94г	вс.	В	(6)	Л. VIII: 41–56
95г	пн.	В	(6)	Л. X: 22–24
96a	вт.	В	(6)	Л. XI: 1–10
96в	ср.	В	(6)	Л. XI: 9–13
96г	чт.	В	(6)	Л. XI: 14–23
97б	пт.	В	(6)	Л. XI: 23–26
97в	сб.	Г	(7)	Л. IX: 1–6
98a	вс.	Г	(7)	Л. VIII: 26–35, 38–39
98г	пн.	Г	(7)	Л. XI: 29–33
99a	вт.	Г	(7)	Л. XI: 34–41
99в	ср.	Г	(7)	Л. XI: 42–46
100a	чт.	Г	(7)	Л. XI: 47–54, XII: 1
100в	пт.	Г	(7)	Л. XII: 2–12
101a	сб.	Д	(8)	Л. IX: 37–43
101в	вс.	Д	(8)	Л. X: 25–37
102б	пн.	Д	(8)	Л. XII: 13–21
102г	вт.	Д	(8)	Л. XII: 42–48
103б	ср.	Д	(8)	Л. XII: 48–59
103г	чт.	Д	(8)	Л. XIII: 1–9
104в	пт.	Д	(8)	Л. XIII: 31–35
104г	сб.	Е	(9)	Л. IX: 57–62
105б	вс.	Е	(9)	Л. XII: 16–21
105в	пн.	Е	(9)	Л. XIV: 1, 12–15

	105г	вт.	◆	(9)		Л. XIV: 25–35
	106в	ср.	◆	(9)		Л. XV: 1–10
	107б	чт.	◆	(9)		Л. XVI: 1–9
	107г	пт.	◆	(9)		Л. XVI: 15–31
	109а	сб.	┐	(10)		Л. X: 19–21
	109б	вс.	┐	(10)		Л. XIII: 10–17
	109г	пн.	┐	(10)		Л. XVII: 20–25
	110а	вт.	┐	(10)		Л. XVII: 26–36, XVIII: 1–8
	111а	ср.	┐	(10)		Л. XVIII: 15–27
	111г	чт.	┐	(10)		Л. XVIII: 31–34
	112а	пт.	┐	(10)		Л. XIX: 12–28
	112г	сб.	┐	(11)		Л. XII: 32–40
	113б	вс.	┐	(11)		Л. XIV: 16–24
	114а	пн.	┐	(11)		Л. XIX: 37–44
	114б	вт.	┐	(11)		Л. XIX: 45–48
	114в	ср.	┐	(11)		Л. XX: 1–8
	115а	чт.	┐	(11)		Л. XX: 9–18
	115в	пт.	┐	(11)		Л. XX: 19–26
	116а	сб.	┐	(12)		Л. XIII: 19–29
	116в	вс.	┐	(12)		Л. XVII: 12–19
	117а	пн.	┐	(12)		Л. XX: 27–44
	177г	вт.	┐	(12)		Л. XXI: 12–19
	118а	ср.	┐	(12)		Л. XXI: 5–11, 20–24
	118г	чт.	┐	(12)		Л. XXI: 28–33
	119а	пт.	┐	(12)		Л. XXI: 37–38, XII: 1–7
	119в	сб.	┐	(13)		Л. XIV: 1–11
	120а	вс.	┐	(13)		Л. XVIII: 18–27
	120г	пн.	┐	(13)		М. VIII: 11–21
	121б	вт.	┐	(13)		М. VIII: 22–26
	121в	ср.	┐	(13)		М. VIII: 30–34
	122а	чт.	┐	(13)		М. IX: 10–16
	122б	пт.	┐	(13)		М. IX: 33–41
	122г	сб.	┐	(14)		Л. XVI: 10–15
	123б	вс.	┐	(14)		Л. XVIII: 35–43
	123в	пн.	┐	(14)		М. IX: 42–50, X: 1
	124б	вт.	┐	(14)		М. X: 2–12
	124в	ср.	┐	(14)		М. X: 11, 13–16

	124г	чт.	ⲁⲓ	(14)		М. X: 17–27
	125в	пт.	ⲁⲓ	(14)		М. X: 24–32
	126а	сб.	ⲉⲓ	(15)		Л. XVII: 3–10
	126б	вс.	ⲉⲓ	(15)		Л. XIX: 1–10
	126г	пн.	ⲉⲓ	(15)		М. X: 46–52
	127б	вт.	ⲉⲓ	(15)		М. XI: 11–14, 19–23
	127г	ср.	ⲉⲓ	(15)		М. XI: 23–26
	128а	чт.	ⲉⲓ	(15)		М. XI: 27–33
	128б	пт.	ⲉⲓ	(15)		М. XII: 1–12
	128г	сб.	ⲁⲓ	(16)		Л. XVIII: 2–8
	129а	вс.	ⲁⲓ	(16)		Мф. XV: 21–28
	129в	пн.	ⲁⲓ	(16)		М. XII: 13–17
	129г	вт.	ⲁⲓ	(16)		М. XII: 18–27
	130б	ср.	–	(16)		М. XII: 28–37
	130г	чт.	ⲁⲓ	(16)		М. XII: 38–44
	131б	пт.	ⲁⲓ	(16)		М. XXIII: 1–8
	131г	сб.	ⲉⲓ	(17)		Л. XX: 46, XXI: 1–4
	132а	вс.	ⲉⲓ	(17)		Л. XVIII: 10–14
	132б	пн.	ⲉⲓ	(17)		М. XIII: 9–13.
	132в	вт.	ⲉⲓ	(17)		М. XIII: 14–23
	133а	ср.	ⲉⲓ	(17)		М. XIII: 24–31
	133в	чт.	ⲉⲓ	(17)		М. XIII: 31–37, XIV: 1–2
	133г	пт.	ⲉⲓ	(17)		М. XIV: 3–9
	134а	сб.	ⲓⲛⲓ	(18)	Неделя мя- сопустная	Л. XI: 5–13
	134г	вс.				Л. XV: 11–32
	135г	пн.				М. XI: 1–11
	136б	вт.				М. XIV: 10–42
	137г	ср.				М. XIV: 43–72, XV: 1
	139б	чт.				М. XV: 1–15
	140а	пт.				М. XV: 16–32
	140в	сб.		(19)	Неделя сы- ропустная	Л. XXI: 8–9, 25–27, 33–36
	141а	вс.				Мф. XXV: 31–46
	142а	пн.				М. XI: 1–14
	142в	вт.				Л. XXII: 39–71, XXIII: 1
	144а	чт.				Л. XXIII: 1–25
	145б	сб.				Мф. VI: 1–13
	146а	вс.				Мф. VI: 14–21

IV.	146в	сб. первая святого великого поста		(1)		М. II: 23–28, III: 1–5
	147а	вс. первое святого великого поста		(1)		И. I: 44
	147б	сб. –		(2)		М. I: 35–44
	147в	вс. –		(2)		М. II: 1–12
	148а	сб. –		(3)		М. VII: 31–37
	148в	вс. –		(3)		М. VIII: 34–38, IX: 1
	148г	сб. –		(4)		М. VIII: 27–31
	149а	вс. –		(4)		М. IX: 17–31
	150а	сб. –		(5)		М. II: 14–17
	150б	вс. –		(5)		М. X: 32–45
	151а	сб. –		(6)		И. XI: 1–45
	152г	вс. вербное или цветочное		(6)		на утрени Мф. XXI: 1–11, 15–17
	153в	вс. вербное или цветочное		(6)		на литургии И. XII: 1–18
V.	154б	Святой и великий пн.			Страстная неделя	на утрени Мф. XXI: 18–43
	155г	Святой и великий пн.				на литургии Мф. XXIV: 3–35
	157а	Святой и великий вт.				на утрени Мф. XXII: 15–46, XXIII: 1–10, 12–34

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А.А. – Лихачева, О.П. 1987, *Словарь книжников и книжности Древней Руси, вып. 1.: XI – первая половина XIV в.* Ленинград: АН СССР.
 Библия 1990 – Библия. Milano: Cinisello Balsamo.

- Библия 2000 – *Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета*. Москва: Российское Библейское Общество.
- Жуковская, Л.П. 1976, *Текстология и язык древнейших славянских памятников*. Москва: Наука.
- Карский, Е.Ф. 1979, *Славянская кирилловская палеография*. Москва: Наука.
- Шмидт, С.О. (гл. ред.) 1984, *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв.* Москва: АН СССР.
- Ягич, И.В. 1960, *Мариинское четвероевангелие*. Graz: Akademischer Druck- und Verlagsanstalt.
- Kocsis, M. 1994, *A Register of Initial Words in Gospel Verses Based on Old Church Slavonic Records (Bibliotheca Slavica Savariensis I.)*. Szombathely: Berzsenyi Dániel Tanárképző Főiskola Szláv Filológiai Intézete.

ЗВУКОНАИМЕНОВАНИЯ В ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА)

Ирина Витальевна Багмут

(Ирина Віталіївна Багмут, Національний педагогічний університет імені
М.П. Драгоманова, ІУФ, Кафедра української мови –
Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék, i_bagmut@ukr.net)

Предлагаемое исследование звуконаименований на материале современного украинского литературного языка ставит своей целью решение следующих задач: 1) определение места анализируемых единиц в идеографической структуре и 2) выяснение природы конкретного и абстрактного в звуконаименованиях.

Лексику, которая номинирует звуковые явления, процессы, признаки, можно отнести к одной из древнейших тематических групп: обозначение человека (в частности, характеристики его речи), названия предметов естественной среды в широком понимании этого термина (Грищенко 2002: 159). Значительное количество акустической лексики было сформировано еще в праславянский период развития языка. Например, *клекотати* < псл. **klekь-tati*, **klegь-tati* ‘клекотати’, образование звукоподражательного происхождения, сродни лит. *klegėti* ‘клекотати, галасувати, реготатися’ (ЕСУМ: II, 457–458); *брязкати* < от междометия *брязь*, вероятно, восточносл. **brę(k)-z-*, производное от псл. **bre-n-(k)-*, **brь-n-(k)-* (ЕСУМ: I, 272); *зук* < псл. **gukь* (**hukь*, **хукь*), **gukati* (**hukati*, **хукати*), производное от звукоподражательного междометия **gu* (**hu*, **xu*) (ЕСУМ: I, 615); *плескати* < псл. **pleskь* ‘плеск’, звукоподражательное образование, очевидно, сродни лит. *pleškėti* ‘ляскати, плескати’ (ЕСУМ: IV, 439) и т.д.

Выяснение природы единиц, которые номинируют звуковые явления и процессы, дает основания трактовать большинство значений звуконаименований как мотивированные. Соответствующие глагольные звуконаименования имеют междометную и звукоподражательную природу (например, *шипіти*, *сичати*, *ойкати*, *тпрукати*, *музикати*, *мекати*), а преимущественное большинство звукообозначений-существительных – это названия, мотивированные этими глаголами (например, *шипіння* – *шипіння*, *сичання* – *сичання*, *ойкання* – *ойкання*, *тпрукання* – *тпрукання*, *музикання* – *музикання*, *мекання* – *мекання*).

Мотивированные звуконаименования-существительные могут: а) повторять семную структуру глагола (например, *чмихання* – действие со значением *чмихати* и звуки, образуемые этим действием (ВТССУМ: 1380));

б) повторять лишь некоторые особенности значения глагольного звуконаименования (например, *вуркіт* – ‘несильное, низкого тембра переливистое звучание’ (СУМ: I, 788) и *вуркотати* – ‘издавать несильные переливистые звуки низкого тембра. // Тихо, переливисто говорить’ (СУМ: I, 788)); в) иметь собственные семантические компоненты (например, *розголос* – перен., редко. ‘шум, гам’ (ВТССУМ: 1046) и *розголошувати* ‘предавать огласке, обнародовать что-либо. // Делать широко известным, популярным’, ‘пускать слух’ (ВТССУМ: 1046)).

Словник української мови в 11-и томах (СУМ) фиксирует около 2800 лексем, которые содержат в прямых номинативных, производных и переносных семемах сему ‘звук’. Это составляет около 2% от общего количества слов, представленных в словаре. Согласно лексикографическим источникам, в современном украинском литературном языке свыше 5500 семем с семой ‘звук’ (около 1600 существительных, 2500 глаголов, 600 прилагательных, 400 наречий и 400 фразеологизированных ЛСВ). Среди упомянутого количества первичных ЛСВ с семой ‘звук’ 1580 (638 существительных, 630 глаголов, 196 прилагательных, 116 наречий), вторичных – 3505 (835 существительных, 2100 глаголов, 334 прилагательных, 236 наречий), переносных – 468 (124 существительных, 226 глаголов, 70 прилагательных, 48 наречий).

По материалам *Оберненого частотного словника сучасної української художньої прози* (ОЧС) можно сделать вывод, что звуконаименования имеют высокий уровень частотности. Например, абсолютная частота употребления таких звуконаименований, как *тріщати* (ОЧС: 66), *ревти* (ОЧС: 66), *співучий* (ОЧС: 134), *дзвінко* (ОЧС: 157), *тонко* (ОЧС: 157), *гамір* (ОЧС: 170), *мовчання* (ОЧС: 198), *стукати* (ОЧС: 59), *шептати* (ОЧС: 63) составляет 10 и больше; *реготати* (ОЧС: 63), *гриміти* (ОЧС: 77), *шуміти* (ОЧС: 77), *гомоніти* (ОЧС: 78), *крик* (ОЧС: 141), *дзвін* (ОЧС: 152), *глухо* (ОЧС: 167), *галас* (ОЧС: 172), *вголос* (ОЧС: 173), *свист* (ОЧС: 176) – 20 и больше; *дзвеніти* (ОЧС: 77), *спів* (ОЧС: 33), *гукати* (ОЧС: 58), *звучати* (ОЧС: 65), *гудіти* (ОЧС: 77), *глухий* (ОЧС: 133), *шум* (ОЧС: 150), *гомін* (ОЧС: 152), *регит* (ОЧС: 175), *гуркіт* (ОЧС: 175) – 30 и больше; *кричати* (ОЧС: 65), *голосно* (ОЧС: 164) – 50 и больше; *мовчки* (ОЧС: 43), *співати* (ОЧС: 47), *тихо* (ОЧС: 167), *голос* (ОЧС: 173), *сміх* (ОЧС: 179) – 100 и больше и т.д.

Словарный состав современного украинского литературного языка (как и любого другого) не дает полной картины отображения действительности, но он обеспечивает максимальную комфортность человеку в общении. Физиологически человек не в состоянии охватить бесконечное разнообразие акустических свойств того или иного объекта. Человеческое ухо способно непосредственно воспринимать небольшую часть звуков окружающей среды. С другой стороны, органы чувств дают больше информации о мире в сравнении с тем, что дает язык. Лексикализация же понятия свиде-

тельствует о его особенной ценности и фундаментальности для определенной культуры (Кронгауз 2001: 126).

Основываясь на общем принципе о лексическом составе языка как упорядоченной по определенным закономерностям лексико-семантической системы, элементы которой связаны разными типами семантических отношений, исследования лексики ученые совершают вокруг триады **«вселенная – человек – человек и вселенная»**.

В лингвистической литературе нет возражений относительно того, что анализируемые лексические единицы представляют в словаре языка сенсорную лексику, которая выражена разными частями речи и играет важную роль в отображении действительности и формировании языковой картины мира.

Одни ученые, учитывая информативность зрения и слуха, признают такую иерархическую последовательность сенсорных сфер: зрение – слух – осязание – вкус – обоняние; другие (на основе частотности тактильных ощущений как исходного пункта и слуховых ощущений как конечного пункта в синестетических переносах) представляют иерархию: осязание – вкус – зрение – слух (Williams 1976: 463). Поскольку акустические лексемы занимают второе по количеству место после лексики визуального восприятия (потому что зрительный анализатор филогенетически самый молодой (Мансуров 1963: 43)), то правомерным является первый подход. Не вызывает возражений и факт зачисления соответствующей лексики чувственного восприятия к идеографическому полю «Бытие» (Денисенко 1987: 36).

Некоторые исследователи выдвигают тезис о невозможности единой «правильной» классификации понятий, которые лежат в основе лексем (Кронгауз 2001: 159), но вместе с тем не отрицают сам факт классификации. Любое семантическое поле входит в состав макрополя, или идеографического поля как его составляющая. Звуконаименования являются логическими константами, поэтому имеют одинаковую концептуальную интерпретацию в разных языках. В философской логике единицы исследуемого класса принадлежат к «перцептивным» событиям (Ишмуратов 1997: 169). Если за эталон взять словарь Халлига-Вартбурга (цитируем по (Караулов 1976: 38–50)), то лексику, которая обозначает звук, можно разместить в таких тематических структурах: «Вселенная» → «Животный мир» → «Крики животных и птиц» (например, *скавучати, тьохкати, рохкання, щебет*); «Человек» → «Человек как живое существо» → «Пять чувств» → «звук» (например, *гупання, сюрчання, перегуд, пирхати, рокотати*); «Человек» → «Человек как общественное существо» → «Язык» → «говорение» (например, *балаканина, шепіт, гомоніти, лепетати*); «Человек и Вселенная» → «Качества и состояния» → «качества звука» (например, *скреготливий, скрипучий, гучний*).

Согласно идеографической классификации Ж.П. Соколовской (1990: 62, 70–71), исследуемая лексика находится в таких иерархических отношениях: «Движение» ← «Конкретные действия, процессы и состояния» ← «Звуковые колебания» (например, *скизлити, сичати, свистіти*); «Качества» ← «Субстанциональные качества» ← «Звук» (например, *брязкітливий, унісонний, голосний*); «Качества» ← «Целостная характеристика живых существ, человека» ← «голос, манера говорить, тон, речь» (например, *пискливий, уривчастий, фальцетний, півголосний*).

В тематической классификации А.И. Смирницкого группа «Звук» принадлежит к разряду «То, что непосредственно дано человеку в опыте (ощущение, звук, свет)» (Akhmanova 1977: 55–56).

На материале украинского литературного языка проблематика идеографических исследований и принципы построения соответствующей классификационной схемы детально описана в монографии Ю.Ф. Прадида (Прадід 1997). И хотя названная идеографическая схема была предложена при анализе фразеологических оборотов слов, ее можно использовать для определения места исследуемой лексики в структуре словарного состава языка: Вселенная → Живая природа → Человек → Психические процессы: а) → Познавательные процессы → Ощущения → Экстероцептивные ощущения → Слуховые ощущения; б) → Процессы речи.

Похожее идеографическое структурирование предложила Т.Г. Никитина (1995: 77–78), объединив категорию «Слух» с группами «Человек в мире вещей», «Природа и человек» и выделив среди лексики, которая обозначает звук, группу «Голос, речь».

Идеографические классификации показали, что в звукоименованиях пересекаются физический и психический миры, потому что в их внутреннюю семантическую структуру входят все семемы, которые обозначают акустические сущности, в том числе и семемы, которые обозначают речь.

Таким образом, во всех идеографических классификациях звукоименования принадлежат к классу единиц, которые номинируют бытие, физические состояния и свойства живых существ, организмов, их жизнедеятельность, состояния окружающей среды (Бабенко 1999: 349–380, 444–458, 473–486; Шведова 2003: 109–117).

Дискуссионным остается вопрос об отнесенности звукоименований к сфере конкретного/абстрактного. Одни лингвисты признают абстрактный характер семантики звукоименований (Щерба 1958), другие – говорят об их особом статусе (Шахматов 1941; Виноградов 1972).

А.А. Уфимцева (1974: 100–116) такие имена, как *звон, свист, треск* и подобные, относит к сфере конкретной лексики, которая обозначает представление о материальной действительности как результат чувственного восприятия (Уфимцева 1986: 54).

По М.В. Никитину (1988: 78–80), исследуемые единицы, например, *эхо, выстрел, крик, звук, залп, музыка*, являются промежуточными между категориями речи и признака. Автор называет такую лексику конкретно-абстрактной, вещественной с нечеткими границами или же такой, которой свойственна предметно-призначная двойственность.

Отрицая предметный статус лексики, которая номинирует разнообразные звуки и шумы, исследователи традиционно трактуют ее как такую, что обозначает вещи и предметы, которые принадлежат материальному миру и доступны непосредственному зрительному или тактильному восприятию (Дементьева 1982: 7–8; Шведова 2003: XIX). Природу же абстрактного определяют как называние охватываемых умом сущностей, которые не имеют прямых, непосредственных связей и отношений с реалиями материального мира. Можно все же не согласиться с этим утверждением, потому что звуконаименования обозначают физически осознаваемый денотат, а звук – это физическая категория, которая имеет материальное выражение благодаря колебанию, детерминированному определенным действием. К тому же, обозначаемые звуконаименованиями акустические явления поддаются количественным исчислениям, хотя и не воспринимаются тактильно или визуально. Поэтому звуковое действие можно квалифицировать как своеобразное воздействие физического тела на органы слуха.

Анализ звуконаименований дает основания сделать следующие выводы:

1. Понятие ‘звук’ четко выступает во всех идеографических схемах как явление физического и психического миров. Соотнесенность логической и семантической природы звуконаименований с конкретной сферой человеческого опыта, со слуховыми ощущениями, их объективной стороной, то есть способностью слуховых ощущений воспринимать признаки предметов материального мира, которые влияют на этот орган чувств, обосновывает существование лексико-семантического поля звуконаименований.

2. Звуконаименования – это единицы, в значениях которых сложно провести разграничение между абстрактным и конкретным. При объединении единиц с архисемой ‘звук’ в лексико-семантическое поле в упомянутой структуре часто обнаруживается нечеткость границ между отдельными участками системы. Очевидно, что для исследуемых единиц понятие семантического поля является не настолько четко очерченным, как для слов, которые называют конкретные реалии. Конкретность звуковых значений не идентична конкретности предметных вещественных значений. Если вообще правомерно рассматривать проблему конкретности/абстрактности на основании полевого подхода, то звуковые значения следует отнести к периферии конкретности, которая соприкасается и взаимодействует с периферией

абстрактности, где расположены слова с широкой понятийной основой и обобщенные значения родового характера, приближенные к ним.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко, Л.Г. (ред.) 1999, *Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*. Москва: АСТ–ПРЕСС.
- Виноградов, В.В. 1972, *Русский язык: Грамматическое учение о слове*. Москва: Высшая школа, 2-е изд.
- Грищенко, А.П. (ред.) 2002, *Сучасна українська літературна мова*. Київ: Вища школа.
- Дементьева, Н.А. 1982, *Сопоставительно-семантический анализ глаголов звучания в немецком и русском языках*. Диссертация. Москва.
- Денисенко, О.И. 1987, *Микрополе «звучащий» как целостный фрагмент лексико-семантической системы языка*. Диссертация. Кировоград.
- Ишмуратов, А.Т. 1997, *Вступ до філософської логіки*. Київ: Абрис.
- Караулов, Ю.Н. 1976, *Общая и русская идеография*. Москва: Наука.
- Кронгауз, М.А. 2001, *Семантика*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Мансуров, Н.С. 1963, *Ощущение – субъективный образ объективного мира*. Москва: Высшая школа.
- Никитин, М.В. 1988, *Основы лингвистической теории значения*. Москва: Высшая школа.
- Никитина, Т.Г. 1995, К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря. *ВЯ* № 2, 68–82.
- Прадід, Ю.Ф. 1997, *Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень)*. Київ–Сімферополь.
- Соколовская, Ж.П. 1990, *Проблемы системного описания лексической семантики*. Київ: Наукова думка.
- Уфимцева, А.А. 1974, *Типы словесных знаков*. Москва: Наука.
- Уфимцева, А.А. 1986, *Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики*. Москва: Наука.
- Шахматов, А.А. 1941, *Очерк современного русского литературного языка*. Москва: Учпедгиз.
- Шведова, Н.Ю. (ред.) 2003, *Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений, т. 3. Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество*. Москва: Азбуковник.
- Щерба, Л.В. 1958, *Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.

- Akhmanova, O. 1977, *Optimization of natural communication systems*. The Hague: Mouton.
Williams, J. M. 1976, Synaesthetic adjectives: a possible law of semantic change. *Language* 52, № 2, 461–478.

СЛОВАРИ

- ВТССУМ – *Великий тлумачний словник сучасної української мови*. Київ–Ірпінь: ВТФ «Перун», 2002.
ЕСУМ – *Етимологічний словник української мови, тт. I–VII*. Київ: Наукова думка, 1982–2003.
ОЧС – *Обернений частотний словник сучасної української художньої прози*. Київ: Спалах, 1998.
СУМ – *Словник української мови, тт. I–IX*. Київ: Наукова думка, 1970–1980.

ОТРИЦАНИЕ, СЕМАНТИЧНА СТРУКТУРА НА ГЛАГОЛА И АКТАНТИ

Мария Стоилова Жерева

(Софийски университет „Св. Климент Охридски“, ДЕО –
Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék, mzhereva@hotmail.com)

Исторически във всеки език са се образували определени форми за отрицание. Глаголът, който изпълнява функцията на предикат в изречението, по различен начин изразява негативните смислови оттенъци. Очевидният начин е с помощта на отрицателната частица *не* пред глагола, а неочевидният начин е чрез отрицателни компоненти в структурата на глаголното значение. В настоящето изследване ние разглеждаме два класа противоположни явления: 1) редукция на отрицателните компоненти в глаголното значение с отрицателната частица *не* и 2) начините за изразяване на отрицателните компоненти на глаголното значение без частицата *не*.

Въпреки, че процесът на речта е мигновен, симултанен, в когнитивната лингвистика са формулирани някои теоретически закона за природата на речевата дейност. Ние се опираме на думите на Е. Бенвенист, че смислообразуващ елемент на всяко изказване (в това число и на съдържащото отрицателната частица *не*) е асерцията: „Към граматичните връзки, което обединяват членовете на изказването, имплицитно се добавя «това е!», което установява връзката между езиковите редове и системата на действителността“ (Бенвенист 1974: 170). Следователно, в своето развитие концептът „отрицание“ съществува вкупом и във взаимодействие с концепта „твърдение“. Човешкият език служи за осмисляне на света и затова всяко изказване представлява комуникативен образец със сложна структура на отношенията: отношение на предицирания към предициращия компонент, отношение на семантико-синтактичната структура на изказването към действителността, отношение на говорещия към начина на изразяване. Отрицанието може да се отнася към всеки от изброените аспекти на изказването, при това то се проектира в граматичните категории и се отразява в линейното устройство на изречението.

Акът на предикацията предполага специфични за всеки отделен случай параметри на апарата на локация – времеви и пространствени координати, които участват в създаването на смисловата структура на фразата. Ние изхождаме от положението, че предицираният и предициращият компонент са „подготвени за срещата един с друг“ (Степанов 1981; Hauss 1986). Глаголът има разклонена полисемия и различни граматични характеристики, защото темата на изказването търси съответствие и съгласие в глаголния

признак. Или, казано по друг начин, концептите на отрицание и утвърждение работят като оператори при речеобразуването. По думите на Демянков (Демянков 2005: 4–5), „когницията и концепта лежат в сферата на интуитивното предпознание“. Може да се предположи, че тези концепти на начален (довербален) етап на създаване на изказването съществуват в базовия концепт, който влиза в интенцията на говорещия и образуват стилистичния модус на изказването.

Оценката е задължителен компонент на изказването. „Всяко изказване има преди всичко оценяваща ориентация“ (Бахтин 1998: 303), „оценката ще определя избора на всички основни значещи елементи на изказването“ (Бахтин 1998: 323). Т.е. отношението на говорещия обуславя организацията на изречението.

В настоящото изследване ние различаваме отрицанието при глагола от отрицателното значение на пропозицията (Арутюнова 1988).

В глаголното значение негацията може да бъде представена с използването на отрицателната частица *не* пред глагола или без нея, а с използването на словообразователни форманти и техните чуждоезични аналози.

Най-разпространеният начин за изразяване на отрицание при глагола е частицата *не*.

Анализът на изказванията с отрицание при глагола показва някои аспекти на глаголната семантика, които обикновено се скриват при други употреби. Както е известно, отрицанието зачертава не всички семи и по такъв начин дава възможност за проявата на семантичната структура на глагола. По тази причина отрицанието може да се приема за един от най-точните начини за компонентен анализ.

При глаголите отрицанието може да засяга или интерпретацията на действието (характеристика, заложенa в начина на номинацията), или самото осъществяване на действието, или неговия резултат.

Семантиката на глаголите по правило е многослойна. Номинацията на действието може да показва целта на действието, начина на неговото осъществяване или резултатът от действието. Не е задължително тези три аспекта да съвпадат, но отрицанието може да засяга някоя от тези три страни, без да зачертава другите. Например, фразата *Той не разсмиваше гостите с остроумието си* може да се възприеме по два различни начина: а) *Той не говореше остроумно* и б) *Той говореше остроумно, но гостите не се разсмиваха от това*. В първия прочит на тази фраза се отрича осъществяването на действието, а във втория прочит се отрича резултата от действието.

В такъв контекст особено важна е видовата форма на глагола. Например, изречението *Той не ги плашеше* се разбира като *Той не правеше нищо, с което да ги плаши*, т.е. отрича се целта на действието. Но във вариант

Той не ги изплаши се отрича резултатът от действието, т.е. *Те не се изплашиха от него*.

В различните контексти с отрицание може да се реализира един от тези прочити и по такъв начин може да се противопостави действието на неговата цел или осъществяването на действието на неговия резултат. Например: *Не се обидих, въпреки че думите и действията му бяха обидно пренебрежителни* (Д. Фучеджиев, 67). В този пример се отрича резултатът, а не самото действие, което има за цел да обиди.

Отрицанието може да се отнася не към самия факт на действието и не към неговия резултат, а към неговата интерпретация. Например, *Аз не счуних вазата, тя сама се счути. Аз само я бутнах*. Говорещият не се отказва от своите действия, а се отказва от трактовката на неговите действия. Това е характерен начин за самооправдание – отрича се вина или отговорност.

По наблюденията на Ю.Д. Апресян (2005) има връзка между отрицанието и така наречените интерпретативи – глаголи, които не означават действие, а само интерпретацията на действие като *греша, предавам, приютявам се* и други. В такива глаголи подразбиращото се конкретно действие се отнася към пресупозицията, а неговата интерпретация съставя асертивната част. По такъв начин изрази от типа на *Той не сгреши* изразяват несъгласие с оценката и интерпретацията на действието, но не отричат самия факт на действието. Но, разбира се, не всички глаголи с оценъчен компонент в значението са такива. Едва ли е възможно изразът *Тя не се приюти в прекрасната му квартира* да се разбира като отрицание на негативна оценка. Подобни отрицания се разбират като отричане на факта на самото действие или ситуация. Т.е. горното изречение се разбира като *Тя не заживя в прекрасната му квартира*.

От друга страна, интерпретативите са твърде нееднородни и се различават в указването на различните характеристики на действието. Например изразът *Тя не се приютяваше за вечер-за две при него*, където явно доминира денотативната съставка „обитавам“ може да се прочете и като *Тя не се приютяваше при него за вечер-за две, а живееше там от дълго време* като ответна реплика, като опровержение на нещо, което по-рано е казано, което е предполагаемо или произтичащо от предишен контекст.

В приведените примери отрицанието показва неуместността на дадената номинация, но самото действие не се отрича.

Тези два аспекта в семантиката на глагола често са трудно разграничими или трудността е в установяването на тяхното съотношение. Възможно е това съотношение да варира в различните контексти. По такъв начин противопоставянето на интерпретативите с другите глаголи често е относително и условно. Много глаголи съчетават в своята семантика двата компонента или допускат двата вида прочит. В това отношение глаголите наисти-

на не са еднакви, но не в смисъл, че съществуват точно определени класове, определящи семантиката на отрицанието, а само в плана на предпочитането на едни или други интерпретации, в плана на тяхната по-голяма или по-малка контекстова зависимост.

Заедно с разгледаните по-горе аспекти, отрицанието при глаголите може да засяга и актантите. Нещо повече, то може да се отнася изключително и само за актантите, т.е. да отрича самото съществуване на съответните обекти и да не засяга съдържанието на самия глагол. Това известно явление е наречено „смесено отрицание“ и може да се илюстрира с примера *Не всичко, което блести е злато*. Я.Г. Тестелец (2001: 168) разглежда това явление като случай на несъвпадение на синтактична и семантична зависимост. Например: *Той не взриви колата с хората, намиращи се в нея. Там хора нямаше* (Д. Фучеджиев, 92). В изолирана употреба първото изречение може да получи интерпретацията *не е имало взрив въобще*, т.е. отрицание на самото действие.

В много случаи отрицанието при глагола може да бъде пренесено на актанта при пълно съхранение на неговото съдържание: *Престъплението не е било извършено от луд човек = Престъплението е било извършено от човек, който не е луд*. В приведения пример действието не се отрича, напротив, то се потвърждава, а отрицанието се отнася напълно за актанта (*луд човек*) и изречението може да бъде съответно перефразирано.

Разбира се, възможно е и обратното: отрицанието може да се отнася само към глагола и да не засяга актанта, неговото съществуване или присъствие в описваната ситуация: *Сияна вече не спеше и нощем. Не я радваше тежката златиста есен, не се впечатляваше от красотата на залеза, който позлатяваше с багрите си остатъците на отиващото си лято, не я веселеше песента на птичките по дърветата. Тя седеше и пред нея бяха само празните очи на единственото и дете и в ушите и звучеше само гласът му: Много сте хубава, госпожо. Хубава като майска зора* (Н. Антонова, 45).

Отрицанието при глагола може да се сведе до отричане на съществуването или присъствието на някакво от назованите партиципианти в описваната ситуация, т.е. то се отнася само до актанта.

Могат да се срещнат и примери, в които глаголът е семантично празен, по-точно той показва само съществуването (а в отрицателна форма – липсата на съществуване) на обекта, който е обозначен с актанта. Показателни са примерите, в които значението на глагола е по-съдържателно, но в изречението се свежда до чисто екзистенциално. Например: *Не Ви ли измъчват кошмари през нощта? – Не. Аз им се наслаждавам*. Въпросът на психиатъра фактически означава *Имате ли кошмари през нощта?* Стереотипният отрицателен отговор *Не!* без останалия коментар би означавал, че пациентът

няма кошмари през нощта. Но, отговорът на пациента се отнася не до наличието на кошмари, а към глагола *измъчвам* и по такъв начин се оживява и се заобикаля щампата.

При отрицанието на глагола по правило е еднозначно и прочита на изречението се подсказва от контекста. Характерно е, че много от примерите, приведени по-горе, изискват привличане на контекст или обяснение на ситуацията, за която става дума. Това е закономерно, тъй като отрицателните изказвания не са толкова независими, колкото са утвърдителните. Отрича се или това, което е изразено в предходния контекст, или нещо очаквано и често съответстващо на привичния ход на събитията и стандартното положение на нещата.

Така например, изреченията *Вратата беше отворена* и *Вратата не беше затворена*, макар и да описват идентични денотативни ситуации, от гледна точка на прагматиката са неравностойни. В случая без отрицание просто се съобщава някакъв факт, а в случая с отрицание се съобщава, че наблюдаваното не съвпада с очакваното.

Тази особеност на отрицателните изказвания особено ясно личи в описателните текстове, където глаголите показват на първо място съществуване (присъствие), понякога дори със смислови оттенъци. Съвършено естествено е, когато в описателния текст се споменава това, което стои пред очите на наблюдателя, но ако се споменава отсъствието на нещо, това значи, че даденият предмет е бил очакван, бил е естествен в тази обстановка. Например: *Сияна влезе в църквата. Нито една свещ не гореше на излъсканите до блясък свещници. Иконите сякаш се бяха скрили в неуютния сумрак на отиващия си ден, свещеникът дремеше на един стол и изглеждаше като част от интериора на една отминала епоха* (Н. Антонова, 79). *Не гореше* в случая има екзистенционално значение, т.е. означава отсъствие, а не в значение на *угасена свещ*.

Във всеки текст, особено нагледно в описателните текстове, се споменава това, което е привлякло вниманието на разказвача или наблюдателя. Това в най-голяма степен се отнася до отсъствието.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, Ю.Д. 2005, Квантификативный аспект языка. В: *Логический анализ языка*. Санкт-Петербург, 308–336.
- Арутюнова, Н.Д. 1988, *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука.
- Бахтин, М.М. 1998, *Тетралогия*. Москва: Лабиринт.
- Бенвенист, Э. 1974, *Общая лингвистика*. Москва: Прогресс.

- Демьянков, В.З. 2005, Когниция и понимание текста. *Вопросы когнитивной лингвистики* № 3. Тамбов, 5–10.
- Степанов, Ю.С. 1981, *Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика*. Москва: Наука.
- Тестелец, Я.Г. 2001, *Введение в общий синтаксис*. Москва: РГГУ.
- Haas, D. G. 1986, How many levels should a grammar recognize? In: Mey, J. L. (ed.), *Language and Discourse: Test and Protest*. (Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe 19.) Amsterdam: Benjamins, 25–31.

ИЗТОЧНИЦИ

- Антонова, Н. *Приют за щастливи*. София: Отечество, 1987.
- Фучеджиев, Д. *Реката*. София: Български писател, 1980.

BOG U HRVATSKIM FRAZEMIMA

Ágnes Zsifkovics-Mándity

(Mándityné Zsifkovics Ágnes, Miroslav Krleža Horvát Általános Iskola, Gimnázium és Diákotthon, Pécs, zsifi69@gmail.com)

1. O frazemima općenito

Od svih postojećih područja jezikoslovlja sistematizirajuća obrada frazeologije je najteža zadaća, budući da je frazeologija ono područje jezikoslovlja koje se najbrže i najhirovitije razvija. Njezina zanimljivost je upravo u tome što nam ona sama služi s takvim jedinicama (frazemima), sastavljenim od više članova, koje nešto znače, ali zašto su te jedinice formulirane baš tako kako jesu, možda nikada nećemo uspjeti razotkriti.

Najvažnija obilježja frazema jesu stabilnost, cjelovitost, neraščlanjivost i strogi redoslijed njihovih članova koji se nalaze u čvrstoj međusobnoj svezi, i samo u iznimnim slučajevima se poneki od tih članova daju zamijeniti odgovarajućim sinonimima ili drugim semantički bliskim riječima.

1.1. Prema klasifikaciji J. Melvinger (1989) frazemi se prema svome podrijetlu mogu podijeliti u dvije temeljne skupine: prvu skupinu čine iskonski hrvatski frazemi koji su naslijeđeni iz ranijih razdoblja jezičnoga razvoja, dok drugu skupinu čine frazemi posuđeni iz drugih jezika. Obadvije skupine se mogu dalje raščlanjivati na podskupine, pa se tako iskonski hrvatski frazemi razlikuju prema kronološkim kriterijima na sljedeće:

a) frazemi iz indoeuropskoga prajezika (najstariji frazemi koji postoje i u drugim, neslavenskim indoeuropskim jezicima – npr. *umrijeti svojom smrću*),

b) frazemi iz praslavenskoga jezika (frazemi koji postoje i u drugim slavenskim jezicima – npr. *ni crno ispod nokta*),

c) frazemi iz povijesnoga razdoblja hrvatskoga jezika (frazemi koji potječu iz razdoblja samostalnog razvoja hrvatskoga jezika, a njihovi ekvivalenti ne postoje u drugim slavenskim jezicima – npr. *za Kulina bana*).

Iz drugih jezika posuđeni frazemi mogu biti izravne posuđenice koje u hrvatski jezik dolaze izravno, bez prevođenja najčešće iz zapadnoeuropskih jezika u grafijski neprilagođenom (npr. poznata izreka J. Caesara: *Alea iacta est*) ili prilagođenom obliku (npr. *vikend*), ili pak frazeološki kalkovi tj. frazemi koji su s nekog drugog jezika doslovno prevedeni.

1.2. U klasifikaciji frazema koja se odnosi na njihovu formalnu strukturu, većina jezikoslovaca se slaže u tome da su dvije temeljne vrste frazema frazemi sa strukturom rečenice, koji se dijele na komunikacijske i nominacijske frazeme te frazemi sa strukturom sintagme. Ima, međutim, i takvih stručnjaka, kao što je pri-

mjerice L. Hadrovics (1995) koji osim frazema rečenica i frazema sintagmi govori i o frazemu riječi kao posebnoj kategoriji, a osim narečenih on navodi još i slikovit govor i opisivanje, te poslovice i njihove fragmente, odnosno frazeme posuđenice iz tuđih jezika kao posebne kategorije. U svome radu u kojem ću pokušati obraditi hrvatske frazeme s leksemom *bog*, ja ću se držati prve podjele.

2. *Bog* u hrvatskim frazemima

2.1. Proučavajući frazeološke rječnike ustanovila sam kako je velik broj hrvatskih frazema koji sadrže leksem *bog*. U novom *Hrvatskom frazeološkom rječniku* (Menac–Fink–Arsovski–Venturin 2003) nalazi se dvadeset i devet frazema pod natuknicom *bog*, što znači zavidno treće mjesto među najčešće zastupljenim frazemima, podijeljeno s natuknicom *noga* pod kojom također ima dvadeset i devet frazema. Samo pod dvjema natuknicama se može naći više frazema, a to su *ruka* sa po šezdeset i tri frazema te *glava* sa po pedeset frazema. *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika* (Matešić 1982) sadrži devedeset i četiri frazema pod natuknicom *bog*, ali toj zavidnoj brojci trebamo dodati da je ona itekako varljiva, budući da Matešićev rječnik navodi i varijantne frazeme kao zasebne. Izneadađujuća je činjenica da i rječnici čija prvenstvena zadaća nije ulaženje u pojedine lingvističke discipline, primjerice frazeologije, donose velik broj frazema pod natuknicom *bog*. Tako na primjer *Rječnik hrvatskoga jezika* V. Anića (1991) donosi dvadeset i četiri, a *Rječnik hrvatskoga jezika* urednika J. Šonje (2000) donosi dvadeset i osam frazema pod natuknicom *bog*, dakle približno isti broj kao i sam *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika* (Matešić 1982).

Ta velika učestalost u uporabi frazema s leksemom *bog*, kao i jedno od mogućih objašnjenja te pojave – naime da je uzrok te velike učestalosti u religioznosti hrvatskoga čovjeka –, navelo me da nešto dublje analiziram te frazeme.

2.2. Klasična podjela frazema prema njihovoj formalnoj strukturi razlikuje dva osnovna tipa frazema: frazeme rečenice i frazeme sintagme.

Iako u svim jezicima, pa tako i u hrvatskome, frazemi sintagme čine najbrojniju skupinu cjelokupnog frazeološkog blaga (Melvinger 1989), ta konstatacija ne važi za frazeme s leksemom *bog*, naime u svim rječnicima koje sam proučavala, više od polovice frazema ima formalno ustrojstvo rečenice. Najnoviji *Hrvatski frazeološki rječnik* (Menac–Fink–Arsovski–Venturin 2003) sadrži 20 frazema rečenica od ukupnih 29, Matešićev frazeološki rječnik 53 od ukupnih 94, *Frazeološki rečnik srpskohrvatskog jezika* (Kašić–Petrović 1983) 24 od 38, dok Anićev rječnik raspolaže sa 20 frazema rečenica od ukupnih 24, a *Rječnik hrvatskoga jezika* (Šonje 2000) grupe autora 21 frazem rečenicu od ukupnih 28.

Frazemi rečenice prema svome značenju mogu biti komunikacijski ili nominacijski. Komunikacijski frazemi rečenice služe za prenošenje potpune obavijesti kao npr.: *bacati se kamenjem u (na) Boga* ‘žaliti se bez ikakva razloga, griješiti žaleći se stalno na nešto bez razloga’, *Bog bi ga znao* ‘ne zna se’, *Bog te pitaj*

(pita) *kada* 'ne zna se kada', *dobit ćeš ti svoga Boga* 'platit ćeš ti to što radiš', *koji ti je bog* 'što ti je?', što se s tobom događa?', *moj Bog i njegov Bog ne mogu zajedno* 'ne slažemo se'.

Nominacijskih frazema rečenica s leksemom *bog* u hrvatskome jeziku ima u znatno manjem broju, npr.: *kad je Bog po zemlji hodao* (*hodio*) 'vrlo davno, u staro vrijeme', *gdje je bog (vrag) rekao laku noć* 'veoma daleko, u zabačenom/zabitoj kraju/mjestu', *kako je koga Bog stvorio* 'onakav kakav je netko od rođenja, tj. gol', *krasti Bogu (od Boga) dane* 'dangubiti, ljenčariti, besposličiti', *otići bogu na istinu (račun)* 'umrijeti'.

Frazemi sintagme raspolažu s formalnom strukturom sintagme i kao takvi mogu biti samo nominacijski frazemi što znači da se u rečenici ponašaju kao pojedini rečenični dijelovi. Prema mojim istraživanjima među frazemima s leksemom *bog* najmanji je broj frazema sintagmi. Npr.: *bog bogova* '1. izvrstan, odličan, izvanredan, sjajan; 2. izvrsno, odlično, izvanredno, sjajno; 3. svemoćan čovjek, sila nad silama', *bog i batina* 'osoba koja vodi glavnu riječ; osoba koja odlučuje, osoba koje se svi pribojavaju', *bog i bogme* 'uistinu, doista, stvarno', *za bogove* 'odličan, izvrstan, izvanredan, lijep'.

2.3. Budući da frazemi sintagme imaju ulogu rečeničnog člana i ponašaju se kao njihovi ekvivalenti, podložni su morfološko-sintaktičkoj klasifikaciji. Sintaktička uloga svakoga frazema ovisi o njegovom značenju, na temelju kojega se svaki frazem može svrstati u neku vrstu riječi. S obzirom na to, nominacijski frazemi sintagme mogu se podijeliti na sljedeće podvrste: a) imenički frazemi sintagme, b) pridjevski frazemi sintagme, c) priložni frazemi sintagme, d) glagolski frazemi sintagme.

Pojedini stručnjaci razlikuju još i prijedložne, zamjeničke, usklične i modalne frazeme, ali uzmemo li u obzir da posljednje dvije kategorije imaju značenje rečenice (npr. *i (pa) bog!* 'i gotovo, i ništa više! i gotova stvar!'), njih slobodno možemo ubrajati među komunikacijske frazeme, a prijedložni i zamjenički frazemi su pak vrlo rijetki.

a) Analizirajući **imeničke frazeme sintagme** s punoznačnicom *bog* s obzirom na njihovu sintaktičku strukturu, otkrila sam sljedeće tipove:

- 1) imenica + imenički atribut u genitivu: *bog bogova* '1. izvrstan, odličan, izvanredan, sjajan; 2. izvrsno, odlično, izvanredno, sjajno; 3. svemoćan čovjek, sila nad silama', *hrana bogova* 'vrlo dobro jelo';
- 2) imenica + veznik + imenica: *bog i batina* 'osoba koja vodi glavnu riječ; osoba koja odlučuje, osoba koje se svi pribojavaju';
- 3) zamjenički atribut + imenica: *neki bog* 'nešto, nepoznata, neodređena stvar'.

b) **Pridjevski frazemi sintagme** se najčešće pojavljuju u rečenici u ulozi atributa. Jezgra njihove formalne strukture je obično pridjev koji je u vezi s drugim pridjevom ili prijedložnim padežnim izrazom, ali u obzir dolaze i poredbene strukture. Osnovni tipovi su sljedeći:

- 1) imenica + prijedložni izraz: *milina u boga* 'divno, savršeno';
- 2) imenica + glagol u infinitivu: bogu je plakati 'žalosno, u lošem stanju';
- 3) *kao* + imenica + (veznik) + (imenica): *ko bog* 'odličan, izvrstan, izvanredan, sjajan', *kao bog i šeširdžija* 'neusporedivi, sasvim različiti, posve drugačiji';
- 4) prijedlog + imenica: *za bogove* 'odličan, izvrstan, izvanredan, lijep'.

c) Budući da **priložni frazemi** imaju ulogu priložne oznake u rečenici, u sintaktičkoj jezgri priložnih frazema najčešće se nalazi imenica kao punoznačnica koja se nikada ne sklanja već se pojavljuje u zadanom padežnom obliku. Priložni nominacijski frazemi se dijele na sljedeće podvrste:

- 1) imenica + veznik + imenica: *bog i bogme* 'uistinu, doista, stvarno', *bog i duša* 'doista, zaista, svakako, pravo govoreći';
- 2) imenica + prijedložni izraz: *divota u boga* 'divno, savršeno';
- 3) imenica + glagol: *Bože sačuvaj* 'nipošto, nikako', *(i) Bože pomози* 'kako tako, još nekako';
- 4) glagol + imenica: *ubij Bože* 'vrlo loše, ispod svake kritike, ne može biti gore', *žali Bože* 'šteta, uzalud';
- 5) prijedložni izraz + imenica: *na pravdi boga* 'nevino, bez ikakve krivnje', *na silu boga* 'nepravedno, bez pravoga razloga, silom';
- 6) *ni* + prijedlog + pridjev + imenica: *ni za živa boga* 'ni po koju cijenu, ni u kom slučaju, nikako';
- 7) *ni* + imenica + pridjev: *ni boga jokinoga (jokina)* 'nimalo, baš ništa';
- 8) prilog/zamjenica + prijedlog + (pridjev) + imenica: *ništa pod (milim) bogom* 'baš ništa, nikako, nimalo';
- 9) prijedlog + imenica + veznik + imenica: *pred Bogom i ljudima* 'pred svima, javno, otvoreno, iskreno'.

d) Od svih frazema sintagmi **glagolski frazemi sintagme** su najrazvijeniji tipovi nominacijskih frazema koji se u rečenici pojavljuju u ulozi predikata. Njihova sintaktička struktura je vrlo različita, budući da se glagolski član tih frazema može kombinirati s imeničkim, pridjevskim i priložnim skupinama, kao i s drugim glagolom (Melvinger 1989).

Od hrvatskih glagolskih frazema s leksemom *bog* pronašla sam glagolske frazeme sintagme samo s imeničkom osnovnom komponentom, dok frazema sintagmi s pridjevskom ili nekom drugom komponentom uopće nisam našla.

Glagolski frazemi s imeničkom komponentom imaju sljedeću strukturu:

- 1) glagol + sama imenica + (prijedložni padežni izraz): *prebiti (ubiti) boga (u komu)* 'jako istući, prebiti koga', *gledati boga (u komu)* 'diviti se komu, mnogo/pretjerano držati do koga', *kumiti (koga) Bogom* 'zaklinjati, preklinjati, usrdno moliti koga', *praviti boga (od koga)* 'obožavati koga, pretjerano cijeniti koga, diviti se komu', *nazivati (nazvati) Boga* 'pozdravljati/pozdraviti koga božjim imenom (pri susretu)', *pitaj boga* 'neizvjesno je, ne zna se', *primiti Boga* 'otpozdravljati', *ski-*

dati (sve) bogove/svece (s neba) 'jako psovati', *uhvatiti Boga za bradu* 'postići što veliko';

2) glagol + imenica + padežni izraz: *uzeo Bog ušur* 'ne biti normalan';

3) glagol + (prijedložni izraz) + *kao* + (prijedlog) + imenica: *gledati (u) koga kao (u) boga* 'zadivljeno gledati/promatrati koga';

4) (veznik) + imenica + (padežni izraz) + glagol: *(i) Bog je (koga) zaboravio* 'biti/ostati napušten od svih, biti posve zaboravljen';

5) glagol + (padežni izraz) + *kao* + imenica: *moliti (koga) kao boga* 'preklinjati/zaklinjati koga';

6) glagol + *kao* + pridjev + imenica: *uživati (živjeti) kao mali Bog* 'živjeti sjajno, ugodno, lijepo, lagodno', *stajati kao drveni bog* 'ukočeno se držati';

7) glagol + prijedlog + imenica: *pomiriti se s Bogom* 'ispovijediti se', *popeti se do Boga* 'postići/dostići što posebno/veliko';

8) glagol + (padežni izraz) + prijedlog + (pridjev) + imenica: *pustiti (koga) s (milim) bogom* 'ostaviti koga na miru, ostaviti koga da radi što hoće'.

2.4. Budući da frazemi u hrvatski standardni jezik ulaze u različitim funkcionalno ravnopravnim oblicima, na razini izraza postoji nekoliko varijanti jednog te istog frazema koje se nazivaju frazemskim inačicama ili varijantama (Samarđžija 1995). U slučaju hrvatskih frazema s leksemom *bog* postoje frazemske inačice s obzirom na:

a) glasovnu strukturu: *ni boga jokinoga (jokina)* 'nimalo, baš ništa', *ni daj Bože (Bog)* 'ni izbliza, daleko od toga, nikako';

b) morfološki broj: *bogu iza leđa (za leđima)* 'vrlo daleko, u zabačenom kraju', *moli (molite) Boga* 'budi/budite sretan/sretni, zahvalni i sl.';

c) početni morfem (prefiks) u glagola: *prebiti (ubiti) boga (u komu)* 'jako istući, prebiti koga';

d) glagolski vid: *dati (predati) Bogu dušu* 'umrijeti', *ići (otići, poći) Bogu na istinu* 'umrijeti', *kad je Bog po zemlji hodao (hodio)* 'vrlo davno, u staro vrijeme', *nazivati (nazvati) Boga* 'pozdravljati/pozdraviti koga božjim imenom (pri susretu)';

e) glagolsku rekciju: *bacati se kamenjem u (na) Boga* 'žaliti se bez ikakva razloga, griješiti žaleći se stalno na nešto bez razloga', *krasti Bogu (od Boga) dane* 'dangubiti, ljenčariti, besposličiti';

f) modalnost: *bog te pitaj (pita) kada* 'ne zna se kada', *sam Bog zna (bi ga znao)* 'ne zna se, nitko ne zna';

g) broj komponenata (tzv. fakultativni članovi): *skidati (sve) bogove/svece (s neba)* 'jako psovati';

h) pojedine leksičke komponente: *gdje je bog (vrag) rekao laku noć* 'veoma daleko, u zabačenom/zabitoj kraju/mjestu', *otići bogu na istinu (račun)* 'umrijeti', *Bog sveti (jedan, sam, dragi) zna* 'ne zna se, nepoznato je', *uživati (živjeti) kao mali Bog* 'živjeti sjajno, ugodno, lijepo, lagodno'.

Svojim sam radom pokušala približiti slojevitost, šarolikost i raznovrsnost frazeoloških jedinica koje je L. Hadrovics (1995: 25) nazvao “cvjetovima našega jezika koji žive u zajedništvu s neutralnim zelenilom svakodnevne uporabe jezika”¹ i koji nam svakodnevni jezik čine mnogo probranijim i življim.

LITERATURA

- Anić, V. 1991, *Rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb: Novi Liber.
- Hadrovics, L. 1995, *Magyar frazeológia*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Kašić, J. – Petrović, V. 1983, *Frazeološki rečnik srpskohrvatskog jezika*. Novi Sad: Zavod za izdavanje udžbenika.
- Matešić, J. 1982, *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Zagreb: Školska knjiga.
- Melvinger, J. 1989, *Leksikologija*. Osijek: Pedagoški fakultet.
- Menac, A. – Fink-Arsovski, Ž. – Venturin, R. 2003, *Hrvatski frazeološki rječnik*. Zagreb: Naklada Ljevak.
- Šonje, J. 2000, *Rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža, Školska knjiga.
- Samardžija, M. 1995, *Leksikologija hrvatskoga jezika i povijest hrvatskoga jezika u XX. stoljeću*. Zagreb: Školska knjiga.

---

¹ Hadrovićev citat donosim u svojem prijevodu – Á. Zs.-M.

НЯКОИ АСПЕКТИ НА ПЪЛНО СЪОТВЕТСТВИЕ ПРИ СОМАТИЧНИ ФРАЗЕОЛОГИЗМИ В БЪЛГАРСКИ И АНГЛИЙСКИ ЕЗИК

Галина Якова Молхова

(Софийски университет „Св. Климент Охридски“, ДЕО, molhova55@yahoo.com)

Соматичните фразеологизми представляват особен тип устойчиви словосъчетания, съдържащи номинация на части или органи на човешкото тяло. По своята природа този вид структурно-семантична цялост отразява първичният опит на човека да интерпретира сам себе си и окръжаващият го свят и заедно с това и вторичен опит на познание, преосмисляне, възникващо в процеса на историческото развитие.

Можем да кажем, че с помощта на фразеологичните соматизми човек описва и окръжаващият го свят (напр.: *Иска ти се да зарежеш всичко, но да си заровиш главата в пясъка; Истинска жена до мозъка на костите*) и пространство (напр.: *Необвързаните решават, че няма защо да гонят дивото, след като питомното е на една ръка разстояние; Отговорът е бил през цялото време под носа ни*) и външни качества и вътрешни свойства присъщи на хората (напр.: *Кейт с хладен ум, Даяна с горещо сърце*), действия, поведение (напр.: *Разчитам охраната да ми каже, няма място за притеснение, ръката не трепва, окоето не мигва; Може да звучи изтъркано, но наистина първо трябва да се променят законите, пък после да се тупат в гърдите разни пишман авторитети*). Изразяват се чувства-състояние (напр.: *Аз го разбрах тук от една съседка, която дойде и ми плака на рамото; Скоро след това Пол се разболява от тиф и умира, а жена му губи разсъдъка си*) или чувства-отношение към някой или нещо (напр.: *Синът на водещата има по-модерни дрехи. Грейва му лицето щом ги облече; Излизаш навън и разбираш, че няма човек, който да не ти се усмихне, да не дойде да ти стисне ръката*).

В съпоставителния анализ на български соматични фразеологизми и на английски такива се очертават няколко основни групи. Тук ще разгледаме групата в която имаме пълно съвпадение на фразеологични единици, според степента на езиковата еквивалентност.

„Семантичната еквивалентност на езиковите единици в езикознанието е кардинален проблем в езика и централен проблем в лингвистиката“ (Якобсон 1978: 21).

В най-широк смисъл под езикова еквивалентност се разбира такова съотношение между лингвистичните единици, когато те притежават някакви общи свойства, позволяващи им да изпълняват еднаква функция. Различават

се вътрешноезикова и междуезикова еквивалентност. Релевантна за нас е междуезиковата еквивалентност.

Съществуват различни гледни точки. Така например Я.И. Рецкер (1974) отделя три типа съответствия: еквиваленти, отличаващи се със своя постоянна и относителна независимост от обкръжението; контекстуални съответствия или аналози; преводачески трансформации или адекватни замени. Рецкер определя и разликата между първият тип съответствия и другите две. Еквивалентните съответствия се отнасят към сферата на езика, докато другите две към сферата на речта. Затова за еквивалентност трябва да се счита постоянното равнозначно съответствие, като правило не зависещо от контекста. Следвайки своя теза Л.С. Бархударов (1980) се спира на три типа междуезикова еквивалентност: 1) пълно съответствие, като идеален случай на еквивалентност; 2) частично съответствие; 3) отсъствие на съответствие.

За да разделим анализиранияте соматични фразеологизми в тези основни групи на междуезикова еквивалентност трябва да определим критериите.

За пълно съответствие на фразеологични единици от два различни езика можем да говорим когато те си съвпадат: 1) семантично; 2) лексикално; 3) граматически; 4) експресивно-стилистически.

Тук ще приведа примери, взети от български ежедневник *24 часа* (19. 06. 2011 г.) и списание *Joy* (бр. 1, 2010 г.).

пред лицето на нещо – *in the face of sth*; значение: ‘в непосредствена близост’

Пример: *пред лицето на големите опасности забравихме за всички наши дребни разногласия* – *we have laid aside minor differences in the face of the great danger*

смя се в лицето на – *laugh in sb's face*; значение: ‘съвсем открито; подигравам се’

Пример: *Хората ще ви се смеят в лицето, ако им кажете, че вярвате на тези глупости.* – *People will laugh in your face if you tell them that you believe in such foolish.*

чисти ръце – *clean hands*; значение: ‘честност, неопетненост’

Пример: *на някои от тези, които особено страстно го осъждаха, също не им бяха чисти ръцете* – *some of those who have condemned him most vigorously haven't done so with entirely clean hands*

свежа кръв – fresh blood; значение: ‘хора със свежи, нови идеи’

Пример: *Нужни са ни хора със свежа кръв в изкуството. – We're badly in need of fresh blood in art.*

остър език – sharp tongue; значение: ‘злъчен, хаплив съм в приказките си’

Пример: *Госпожицата имаше остър език и удивително чувство за хумор. – Miss had a sharp tongue and a prodigious sense of humor.*

Както се вижда от приведените примери, можем да говорим за пълно съответствие на соматични фразеологични единици в двата езика. Те са предимно глаголно-именни и не са много на брой, но напълно си съвпадат по семантична структура и обем, по вътрешна форма и образна основа, по стилистична характеристика. Имат лексико-семантична и синтактична съчетаемост. Образувани са по различни модели:

1. двукомпонентни: прилагателно + съществително (*синя кръв – blue blood*; *рибешки поглед – a fishy eye*); **глагол + съществително** (*държжа под око – keep an eye on*; *чета по лицето – read faces*); **съществително + съществително** (*от ръка на ръка – from hand to hand*); **предлог + съществително** (*в очите – in the eyes*).

2. трикомпонентни: глагол + прилагателно + съществително (*попада в добри ръце – fall into good hands*); **глагол + съществително + съществително** (*има глава на раменете си – have a head on one's shoulders*; *държжа си главата над водата – hold one's head above water*).

Двукомпонентните са най-многобройни, следват ги трикомпонентните, а състав от четири и повече компонента почти не съществува в този клас.

Причините за междуезиковата еквивалентност могат да бъдат различни, но очевидно е, че най-главната е сходството на свойствата и функциите на органите и частите на човешкото тяло, което лежи в основата на фразеологическата номинация. Мотивиращият образ на този вид соматични фразеологични единици в двата езика не отразяват директно в своето съдържание исторически, културни или социални фактори. Те се основават на явления от действителността, общи за всички хора, независимо от тяхната националност, географски, климатични, икономически и други условия.

Тези фразеологизми възникват в резултат на преносно осмислени словосъчетания, именувайки различни действия и състояния, свързани с частите на тялото. Тяхното съвпадение в различните езици се определя от способността на носителите да видят сходство в отделните страни на разнообразни явления. Много от соматичните фразеологични единици са свързани по своя произход с различни фактори на физически или психофизиологически характер, които, както видяхме се явяват общи за двата езика.

В съвременния контекст на глобализация и интеграция соматичните фразеологизми съхраняват позиции, осъществяващи репрезентация на традиционни, константни стереотипи, еталони, исторически прикрепени към тях значения. От друга страна в условията на динамично променящата се картина на света произлиза тяхната адаптация към новата реалност, в резултат на което те се подлагат на структурна и семантична модификация.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов, Л.С. 1980, К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий. *Иностранные языки в школе* № 5, 11–17.
- Рецкер, Я.И. 1974, *Теория перевода и переводческая практика*. Москва: Международные отношения.
- Якобсон, Р.О. 1978, О лингвистических аспектах перевода. В: *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сборник статей*. Москва: Международные отношения, 16–24.

ПОСТИГАНЕ НА ПЕРЛОКУТИВЕН ЕФЕКТ ЧАРЕЗ ИЛОКУТИВЕН АКТ (НА МАТЕРИАЛ ОТ РАЗГОВОРНАТА РЕЧ)

Татяна Попова

(Софийски университет „Св. Климент Охридски“, ДЕО, tania_ariania@abv.bg)

В настоящата разработка ще бъде направен опит реалистично и не толкова критично да се подходи анализаторски към това изказване от прагматична (прагматична) – гледна точка. Самото то е почерпено от живата разговорна реч, отправено е към автора на предстоящите разсъждения и е родено в една съвсем банална ситуация, част от нашето повтарящо се ежедневие. Казаното – за баналността и повторителността – разбира се, не е съвсем вярно, не само защото, когато нещата се повтарят, те винаги са различни, а и защото всеки ден научаваме по нещо ново, научаваме как да се държим един към друг, какво да си спестяваме, какво, ако трябва, да повтаряме – и всичко – за да се чувстваме добре в света, в който живеем и който създаваме около себе си. Попаднали в човешката гора сред гъстите корони от оцветени в различни багри листа, носещи нюансите на различни и никога неповтарящи се човешки радости и нерадости, ние можем да си пробием път към слънцето, ако успяваме да живеем в тази гора в разбирателство с нейните обитатели – без да воюваме с тях, без да нараняваме дърветата, но и без да погубваме самите себе си. Да се научим да общуваме, да можем да поискаме и да получим това, от което се нуждаем, а когато ни поискат, ако можем, да дадем.

Погледът към изказването: *Госпожа, на Вас може и да Ви е топло и не ме гледайте, че съм с шапка, на мен ми е студено!* ще бъде толкова реалистичен, колкото реално е то – извадено от речева ситуация с двама комуниканти, като отправителят на съобщението е жена на възраст около 50 години, по професия шивачка, а адресат е авторът на разработката – възраст 27. Възрастта и професията са от значение дотолкава, доколкото тези социални признаци, определяйки социалните роли на говорещите, в някаква степен оказват влияние върху речта им. Така твърди Н.И. Формановская (2008). Речевите социални взаимодействия между комуникантите на ниво установяване на контакт в общуването ярко се проявяват в речевия етикет. Неговата социална природа се предопределя от наличието в ситуацията на речевия етикет на такива компоненти като „аз“ – „ти“ комуниканти, взаимодействащи „тук“ и „сега“. С негова помощ се реализира това взаимодействие между тях, въздействието им един на друг, характерно за общуването изобщо, а в речевия етикет – проявяващо се особено явно. Социалната диференциация

на носителите на езика, техният постоянен социален статус и променливите им социални роли диктуват избираемостта на такива единици, които се „закрепват“ за определени групи носители на езика и се превръщат в стилистично маркирани, ставайки и устойчиви формули за общуване.

Точно затова погледът към въпросното изказване, тема на тези разсъждения не би трябвало да бъде много критичен, защото случаят ни среща с човек, избрал за себе си такова поведение и такъв начин на изразяване, отговарящи не само на социалната роля, която изпълнява, но и задоволяващи потребностите, които има. Не би трябвало да се отнасяме твърде критично, защото адресантът по свой си начин встъпва в речево действие чрез изказване, съдържащо определени комуникативни интенции в следствие на което въздейства върху адресата и получава като отговор на своята молба (отправена нито като молба, нито като въпрос, а по-скоро като съобщение с възмутителна интонация за моментното собствено състояние, което има желание да промени) съответна реакция. Или, казано накратко – качвайки се в празния, но изпълнен със задух затворен автобус от градския софийски транспорт в прохладно и приятно време, аз отворих един малък прозорец и заставах там „да дишам“, а една жена на около два метра разстояние от мен ми отправи гневната спомената реплика. Адресатът не отговори – затвори прозореца и се премести.

След реалистично-критичния анализ от прагматична гледна точка на изказването, то ще бъде съотнесено към една от сферите на употреба на единици от речевия етикет. Тъй като социално определените ситуации изискват социално определени знаци, а личността в процеса на социализация усвоява като необходимост (привичка, обичай, ритуал) използването на такива знаци, посочващи отношението към събеседника, позволяващи установяването на контакт в нужната тоналност, съответна на взаимоотношенията на общуващите, обстановката на общуване и много други социално (обществено и личностно) обусловени фактори, се оформят и обособяват различни сфери на употреба на единици на речевия етикет и към една от тях, определена формално като „Молба“, ще бъде направен опит по-лесно от прагматична и не толкова от граматична гледна точка да бъде причислен изказът – вдъхновител на настоящите редове.

В центъра на своите интереси прагматиката поставя човека – „говорещия човек“, както подчертава Формановская (2008), изследвайки комуникативното взаимодействие между адресанта и адресата, поставени на оста „аз“ – „ти“. Авторката последователно разглежда пет основни линии, по които се развива прагматичният подход към езика в общуването. Ще се спрем на всяка една от тях, за да видим до колко успешно се разгръща общуването в автобуса по оста „аз (като говорещо лице, изразяващо своите интенции чрез определена речева тактика, довеждаща (или не) до комуникативна съ-

гласуваност с адресата) – ти (като адресат на речта, който ще реагира по някакъв начин на изказването)“ (Формановская 2008: 216).

За определяне характера на прагматичния подход към езика в общуването като такъв важно е спазването на първо място на определени правила или постулати (максими) на общуване, тъй като се предполага, че говорещите при встъпване в комуникативна дейност съблюдают някои социални аксиоми, извън които е невъзможно постигане на комуникативна съгласуваност, от която до голяма степен зависи постигането на комуникативен ефект. Р. Ницолова (1984) също отбелязва широката популярност, която придобиват идеите на Х. Грайс за „максимите на разговора“, следствие на установения от него общ принцип за сътрудничество на участниците в разговора. Така например постулатът за количество предполага, че се съобщава точно толкова информация, колкото е нужна за дадената цел на общуването, темата и нейното развитие. „Направи съобщението си толкова информативно, колкото е необходимо! Не прави съобщението си по – информативно, отколкото е необходимо!“ (Ницолова 1984: 13). И както например на етикетно осведомяване за здравето не следва подробен разказ за него, който да наруши максимата за необходимото и достатъчно количество и да произведе със своята изобилност иронична оценка от страна на слушателя, така и едно съвсем обикновено желание – да бъде затворен прозорецът в автобуса – не предполага, и не се нуждае от допълнителна разяснителност – *Не ме гледайте, че съм с шапка, на мен ми е студено!* тази пренаситеност само натоварва изказването, тъй като пресупозицията на изказване от типа: *Бихте ли затворили прозореца?* е *Студено ми е*. От друга страна, обаче, авторът на „пренаситеното с информация“ съобщение явно цели постигане на по-голям ефект, като не се изключва и вероятността, молбата да трябва да изпълнява роля на заяждане – дали защото така можем да накраме „провинилия се“ да се „замисли“, или пък защото така се чувстваме по-значими и център на внимание, или пък просто защото нещата се случват така, както се случват, и не винаги трябва да има „защо“. На самото изказване, съдържащо излишната информация *с шапка съм* и допълнението към нея – *студено ми е*, изразено с гневна и възмутителна интонация, би могла семантичната пресупозиция да бъде например – *криво ми е, всичко ми пречи и всичко ме дразни*. Споменали веднъж понятието „пресупозиция“ – предварителна информация, въз основа на която се изгражда изказването, ще се отклоним още малко от постулата за количество информация на съобщението, но ще засегнем темата за прагматичните пресупозиции – условията за успешна употреба на изказването от комуникативна гледна точка в определен речев акт, а също и от гледна точка на предхождащото или съпровождащото речевия акт състояние на нещата, в което вземат дейно участие говорещият и слушателят. Така например с из-

казването *Моля, затворете прозореца!* са свързани следните пресупозиции (прагматични):

1. говорещият и слушателят са в такива отношения, че говорещият може да се обърне към слушателя с такава молба;
2. този, към когото е насочена молбата, е в състояние да я изпълни;
3. става дума за определен прозорец и слушателят знае кой е той;
4. прозорецът, за който става дума, е отворен.

Тези пресупозиции са посочени от Ницолова (1984), която цитира Ч. Филмор, чийто пример е *Моля, затворете вратата!* Въпреки че изказването, което пробуди анализаторските ни разсъждения и идеи, не е точно *Моля, затворете прозореца!*, но при достатъчна добронамереност от наша страна бихме могли да си го тълкуваме така, то четирите прагматични пресупозиции се отнасят и за него. Те са необходимото условие за сполучлива употреба на изказването в дадения контекст и ситуация (сполучлива – защото комуникативните намерения на говорещия чрез изказването да извърши някаква промяна в действителността, е изразено така, че има ответна реакция и целта е постигната).

За разлика от тях логическите пресупозиции са необходимо условие за истинността на изказването. Максимата за истинност (качество) на изказването се нарежда до тази за количество информация. Тя се свежда до това, че говорещият изхожда от презумпцията за достоверност на съобщаваната информация. Това правило е спазено напълно в нашия случай – ние виждаме, че жената е с шапка, а за да бъде с шапка, значи твърде вероятно е да и е студено.

Формановская (2008) посочва още три правила на общуване. Едното засяга начина на предаване на речта, а именно – ясно, логично, последователно, недвусмислено, изразително изказване и постройка на текста. То също е налице изцяло в разглежданата реплика – за разлика от това, за вежливостта. Адресантът подхожда по-скоро пресилено официално и преднамерено студено, което го отдалечава от това етикетно правило. На тази максима (с естетически, социален и морален характер) – *Бъди учтив!* – Ницолова (1984) приписва по-второстепенно значение. Нарушаването на този постулат, обаче, води до комуникативен неуспех, а нерядко разрушава и самото речево взаимодействие, както пише Формановская (2008). Такова взаимодействие в случая не се и осъществява. Въпреки че е спазена учтива *Вие* – форма на общуване, обръщението *госпожа* е неуместно и несъвместимо с добрия тон на общуване. Иначе – като елемент от изказването, чиято основна функция е да осигури контакт с адресата, като посочва, че именно към него говорещият отправя призив, то функционира безпогрешно. Виденов (1980) разглежда в плана на морфологията, лексиката, модалността на израза и дори на фонетиката средствата, изразяващи социални параметри, и поддаващи се

на контрол от страна на комуникантите, които са експлицирани точно с такава – апелативна цел. Чрез тях се постига социално приближаване (отдалечаване) от съответния съкомуникант. Според него апелативът *госпожа* може да се употребява, макар и много рядко, за подчертаване на особено висока уважителност и социална дистанция към лице с напреднала възраст. Тук обаче този номинатив, изместил вокатива, не изпълнява подобна функция. По-скоро срещаме един от онези „особени случаи“, когато се внася чрез него пейорация.

След правилата за общуване Формановская (2008) отделя внимание на средствата за създаване на текста от някого и адресирането му към другия – средства, свързани с т.нар. понятие „емпатия“. Законът на емпатията развива диалога по линията „аз“ – „ти“ и той не се превръща в беседа на тема „аз“. Продължавайки да търсим място на нашата реплика и тук ще подчертаем (е, малко иронично, но много реалистично), че и този закон е спасен. Макар и да не протича диалог, адресантът „изкусно“ успява да подходи към съкомуниканта си и да не го изолира, отреждайки му единствено ролята на изпълнител на дадено действие – да затвори прозореца (като пък от друга страна той си е заслужил тази роля, отваряйки прозореца и причинявайки неудобство на друг човек без да се замисля (честно казано и без да забелязва) дали шапката достатъчно добре би го предпазила от нахлуващия въздух, макар и свеж, но студен). И така – на нашия егоцентризъм във възникналата ситуация авторът на съобщението отговаря с опит за приемане на нашата гледна точка, поставя себе си от другата страна на диалога и тази смяна на позициите и поглед „през очите на другия“ прозира в речевия отрязък – *на Вас може и да Ви е топло*. Тук чрез модалния глагол *може* говорещият прави предположение между двата полюса на достоверната модалност – на пълната убеденост и на сигурността – въз основа на непълната информация, с която разполага – той няма как да е сигурен, но предполага, че щом отварям прозореца – на мен ми е топло. Разглеждайки начините, по които понятието емпатия се актуализира (или не) в ситуацията, в която попадат говорещият и слушащият, необходимо е да се отбележи, че самите изходни гледни точки на участниците относно причината, поради която искат (или не) да бъде отворен прозореца, са различни. За говорещия важно е да бъде топло, а за слушащия важно е „да диша“. Осъществяването на потребностите и на двамата на едно място е невъзможно.

Възможно е обаче на различни места, както и се случи. Слушателят затвори (по-скоро „затръшна“) прозореца и се премести, а насочените към него комуникативни интенции на говорещия бяха удовлетворени. Тук достигахме да третата линия, по която се осъществява прагматичния подход към езика според Формановская (2008). Изследвайки стратегиите и тактиките на общуване, видовете и формите на речта, прагматиката засяга и теория-

та за речевите актове. Речевият акт не трябва да се разглежда извън линията на комуникативното взаимодействие между „аз“ – „ти“. Той е осъществяване с помощта на изказването на комуникативни намерения на говорещия спрямо адресата. Ницолова (1984: 228) цитира Остин, който различава в речевия акт актове, извършващи се едновременно – фонетичен (произвеждане на определени звукове), фатичен (произнасяне на думи в определени конструкции, оформени според определена граматика с определена интонация), ретичен (резултатът от фатичния акт се свързва с определен смисъл и определена референтност, които са еквивалентни на значението). Тези три акта Остин обединява в т.нар. локуционен акт. Освен него той различава и илокуционен акт (извънречев акт), при който се упражнява от говорещия определена сила върху слушателя (в нашия случай – апелира се към него). Илокутивната сила не се включва в значението на изречението. Но пък всъщност благодарение на нея се постига (или не) желаният ефект. Той се съдържа във въздействието върху адресата и характера на неговата реакция, определени като перлокутивен ефект. Така например социалният комуникативен опит (комуникативна компетенция) на носителите на езика позволява разпознаването в едно въпросително изречение в определена социална ситуация на молба, а не на въпрос и тогава на въпрос, отправен в автобус към някого – *Можете ли да затворите прозореца?* не се изисква отговор, а се очаква реакция на отправена молба да се затвори прозореца. Следователно илокутивната сила на изказването се заключава в това, че адресантът чрез особена форма изразява интенция-молба и въздейства на адресата. Ако тази молба е социално приемлива и удовлетворява постулата за вежливост, изказването, според Формановская (2008), въздейства и предизвиква съответното действие, нерядко съпровождано и с етикетна форма на съгласие. Ако такъв въпрос-молба беше отправен в разглежданата социална ситуация, то отговорът не би бил безмълвно „затръшване“ на прозореца, а затваряне, съпроводено най-вероятно с етикетна формула-извинение за причиненото неудобство чрез пускането на студена струя въздух.

Нормите на речевия етикет според Формановская (2008) пронизват всички речеви актове (съобщаващи информация; изразяващи мнение, оценка, отношение; изразяващи въпрос, желание за получаване на някаква информация; подбуждащи към действие; установяващи, поддържащи, прекъсващи контакт). Според теорията за речевите актове те могат да бъдат преки и косвени. Ако характерът на комуникативното намерение и начинът на изразяването му съвпадат, то речевият акт е пряк и репликата, която разглеждаме, би звучала – *Затворете, моля!* – подбуждаща интенция в императивна форма. Ако изразяването на комуникативното намерение става по непряк езиков начин, речевият акт е косвен – *Бихте ли могли да затворите прозореца?*; *Имате ли нещо против прозореца да си остане затворен?* и т.н. –

подбуждаща интенция под форма на въпрос. Комуникативните намерения на говорещия в автобуса не бяха изразени по нито един от двата начина, но оказаха търсеното въздействие и промяна. Затова – не пряк, но не и косвен според горните определения – този речев акт е факт, той промени ситуацията, а и „значението на едно речево действие се измерва чрез изменението на социалната ситуация, което се постига чрез него“, както смята Вундерлих, цитиран от Ницолова (1984: 11).

Във връзка с теорията на речевите актове се разработва и въпросът за така наречените перформативни изказвания. Изказването *На мен ми е студено* е по-скоро констативно – описва се определено състояние на нещата, то е съждение, което може да бъде истинно (и е такова) или неистинно, лишено от признака „действено“.

От гледна точка на прагматиката трябва да се обърнем към това функционално-семантично обединение на комуникативни единици, което се определя като речев етикет. Той помага за реализацията на целта на общуването и за достигането на комуникативно взаимодействие между събеседниците. Затова, както пише Формановская (2008), да помолим – трябва вежливо – да изразим уважително отношение към адресата, иначе може да не се реализира комуникативно взаимодействие, словесната молба да не намери (придобие) достатъчна илокутивна сила и да не бъде последвана от действие от страна на адресата за нейното удовлетворение.

Възможностите за използване на езикови средства при изразяване на молба, желание, заповед (изобщо – волеизява, варираща от „най-плаха молба до категорична заповед“ (Пашов 1999: 178)) могат да се разглеждат на различни равнища.

Стилистичната окрасеност при изразяване на молба варира по експресивно-стилистичната скала в най-широка гама, предавайки тоналност на общуването от официална и „хладна“ до дружеска и „топла“. Тогава, когато възмущението обхваща цялото ти премръзнало съзнание, най-вероятно е много трудно да се обърнеш учтиво към причинителя на допълнително неудобство, още повече, че той по никакъв начин не показва, че се съобразява с каквото и с когото и да било в дадената ситуация. Гневният, студен, официален (все пак налице са маркерите за официалност, подчертана чрез обръщението *госпожа* и учтивата форма във 2 л. мн. ч.) е нормалният тон на един обиден човек, нямаш желание да се държи особено учтиво с човек, който чрез своите действия нарушава топлата и „задушерна“ атмосфера на пътуването.

Синтактичната структура на изреченията – изказвания, в които се възплащава смисълът „молба“, също е разнообразен.

Сложна е и семантичната структура на изразяването на молба: адресантът каузира бъдещо действие на адресата – *Моля Ви да затворите прозо-*

реца (такъв израз на молба в дадената ситуация можем само да си представим като потенциално възможен). Комунитативните намерения на адресанта се реализират в зоната на прагматичните координати „аз“ – „ти“ –, „тук“ – „сега“ и формират в изразяването на речевия етикет свойството перформативност. Молбата като побудително комуникативно намерение на говорещия винаги е ориентирана към „ти“ адресат, бъдещото действие на когото се мисли като потенциално.

На морфологично равнище от значение са глаголните категории наклонение, време, вид, залог. Ориентацията към една или друга форма има модален характер, тя е резултат от изразеното отношение на говорещия към изказването. Едно от отношенията, които се включват в определението на категорията модалност, както отбелязва К. Цанков (1969), цитирайки Розентал, е „необходимост“, а такова значение имат всички побудителни изказвания.

За изразяването на молба, желание, заповед могат да се използват формите, както отбелязва Цанков (1969), на всички наклонения освен преизказното. Най-подходящо е повелителното (*Затворете прозореца!*), но с определени модални нюанси се употребява и условното (*Бихте ли затворили прозореца?*), изявителното и конюнктивът (*Да затворите прозореца!*).

От глаголните времена се използва бъдеще време (*Ще затворите ли прозореца?*), сегашно и минало предварително (*Да бяхте затворили прозореца?*), като тук формата не изразява минали действия, а изпълнява функциите на „деликатно“ повелително наклонение.

Цанков (1969) разглежда и по какъв начин глаголната категория вид е представена при изразяването на молба, а именно – с двете си граматични значения – свършен (*Затворете прозореца!*) и несвършен (*Затваряйте прозореца!*). Според автора при изразяване на „по-категорично желание, чието изпълнение е неотложно“, за предпочитане са глаголи от несвършен вид, като ефектът може да бъде подсилен, например, и от наречие за време *веднага* (това съответно прави израза малко груб, но пък нетърпящ възражение. Всичко, разбира се, зависи от конкретните ситуация и една такава реплика не би способствала винаги за постигането на желан резултат), докато за изразяване на учтива молба най-удобни са повелителните форми от свършен вид, придружени от *Моля* или *ако обичате*. Залогът също се представя с различните си форми – деятелен (*Трябва да затворите прозореца!*), страдателен (*Прозорецът да бъде затворен!*; *Да се затвори прозорецът!*).

Не може да не засегнем и въпроса за оформянето на учтива молба, при което се използват думи и словосъчетания, които имат модален характер: *моля, мога, ако обичаш, бъди така добър (любезен)*. Тези форми имат модален характер и функционират само като формални белези за вежливост. Когато *моля* е с съчетание с кратка местоименна винителна форма (*моля Ви*)

молбата е едновременно учтива и строга. „По-гореща“ молба се изразява, когато се използва възвратната конструкция *Моля ти се*. Молбата може да се подсили, като се прибавят модификатори – наречия и адвербиални изрази (*много Ви се моля; от сърце Ви се моля*). Такава функция изпълняват и известни брой междуметия и частици с подбудителен характер – *нека* (*Нека бъде затворен прозореца!*), *нали* (*Нали може да затворите прозореца?*), *де* (*Не отваряйте прозореца, де!*), *хайде*, *я* и т.н.

Цанков (1969) също подчертава важната роля на интонацията, особено когато тя е единствен белег за определяне на едно изречение като подбудително.

Точно такъв е и разглежданият случай. Молба изобщо не беше изразена по никакъв начин, но желание прозорецът да си остане затворен, беше недвусмислено показано. Затова и „затръшването“ на прозореца не е никак учтив отговор, но пък и няма на какво да бъде отговор. То е реакция на гневното неодобрение, с което е пропита цялата фраза – от обръщението *госпожа* (маркер на подчертана дистанцираност), носещо символиката на особена уважителност, последвано от учтива форма – *на Вас може и да Ви е топло* (демонстрация на накърнено и незачетено „аз“), където погледа през очите на другия и готовността за приемане на неговата гледна точка показват как философското понятие „емпатия“ придобива смисъл и живот чрез нашите реакции и отношение към другите. Те от своя страна явно още не са се научили не само да се поставят на мястото на другия (което не е наука, а може би само въпрос на желание, което няма от къде да прочетеш, да разбереш и да научиш, можеш само да разбереш сам дали искаш да го направиш, или не), не се съобразяват с него, но и още по-непростимо от гледна точка на етикета, дори не са забелязали, че говорещият е с шапка, та камо ли да стигнат до извода, че на него може и да му е студено и да не му е до свеж въздух. Такива хора разбират единствено казаното им чрез императив, но все пак говорещият в породилата се речева ситуация в автобуса продължава до последно опитите си да спазва „добрия тон“ на общуване и съобщава за състоянието си – *на мен ми е студено* (иначе казано – *Затворете прозореца!!!*), като оставя на своя мълчлив събеседник да се досети сам какво трябва да направи. И той го прави – без дори да се извини, че е причинил неудобство и е нарушил топлата „задушерна“ атмосфера.

Да се поставим на мястото на другия вероятно е едно от най-трудните неща дори за т.нар. „неограничени“ човешки възможности. За да се поставиш на мястото на другия, всъщност се изисква желание – желание да изместиш себе си от центъра на собствения си свят.

Едно от най-лесните неща е поне да не бъдем груби в отношенията си с другите, да не ги донатваряваме с настроението си и със собственото си обсебващо „аз“ или – както е казал Цанков (1969: 26) – „това е умението на

личността да общува с хората, да създава непрекъснато ведро, оптимистично настроение около себе си“.

ЛИТЕРАТУРА

- Виденев, М. 1980, Социални параметри на средствата за езиков контакт. *Език и литература XXXV*, № 2. София, 97–111.
- Ницолова, Р. 1984, *Прагматичен аспект на изречението в българския книжовен език*. София: Народна просвета.
- Пашов, П. 1999, *Българска граматика*. Пловдив: Хермес.
- Формановская, Н.И. 2008, *Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты*. Москва: ЛКИ.
- Цанков, К. 1969, *Речев етикет*. София: Просвета.

*Присвячується професорові Марії Яківні Плющ
з нагоди її ювілею*

ДІЄСЛІВНО-ІМЕННІ ОПИСОВІ ЗВОРОТИ У ФУНКЦІЇ СКЛАДЕНОГО ПРИСУДКА

Олеся Петрівна Сулима

(Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова, ІУФ,
Кафедра української мови, dergoi@i.ua)

Зростання кількості аналітичних форм в українській мові є однією з істотних і важливих ознак, що супроводжує її функціонування й розвиток. Обмежений набір лексичних одиниць – слів і слівформ, поєднаних за правилами граматичного ладу, є потужним засобом для вираження думок, спрямованим на вільне створення й передачу нового висловлювання його. Незважаючи на те, що українську мову традиційно відносять до флективних, однак не можна заперечити й того, що частина лексичних значень може бути виражена й аналітичним способом. Особливо продуктивно у функції складеного іменного присудка вживані дієслівно-іменні описові звороти, що обслуговують потреби мови у вираженні процесуальної семантики у сфері абстрактних реалій при її обмежених словотвірних потенціях (Гошилик 2006: 5). В українському мовознавстві питання про функціонування дієслівно-іменних описових зворотів досліджували О.С. Мельничук, Г.М. Удовиченко, М.Ф. Алефіренко, Н.М. Сологуб, Ю.А. Сергєєв, В.Б. Гошилик та ін. У російському дослідженні аналізованої проблеми займалися В.В. Виноградов, Г.К. Воробйова, В.Д. Горянский, М.М. Гурман. А.П. Мордвилко (1964) не лише остаточно виділив відмінності між вільними словосполученнями й дієслівно-іменними сполученнями, але й найповніше визначив їхній склад та особливості семантики. Однак незважаючи на численні розвідки, питання про специфіку функціонування дієслівно-іменних описових зворотів у ролі складеного присудка лишається відкритим.

Метою статті є з'ясування особливостей структури складеного іменного присудка, вираженого дієслівно-іменними описовими зворотами, визначення їх співвіднесеності з синтетичними дієслівними формами.

Серед фразеологізованих сполучень найбільшою групою є саме так звані дієслівно-іменні описові звороти (Буслаєв 1959: 310): *мати вигляд, мати слово, одержати перемогу* тощо, які відрізняються від звичайних дієслівних форм тим, що можуть позначати ознаку за допомогою додаткових атрибутивних засобів: *думати гірку думу*. Пізніше В.В. Виноградов (1953,

1969), досліджуючи сталі вирази і словосполучення, звернув увагу на дієслівно-іменні описові звороти, зауваживши, що вони є продуктивною одиницею для створення висловлювань. На його думку, дієслівно-іменні описові звороти – це словосполучення, утворені реалізацією невідмінних значень слів. Дослідник зазначив, що переважна частина значень слів обмежена у своїх зв'язках семантичними відношеннями всередині самої мовної системи. Ці лексичні значення можуть проявлятися лише у зв'язку з чітко окресленим колом понять і їхніх словесних позначень.

Фразеологічні сполучення поділяють на дві групи (Алефіренко 2004: 771). До першої належать утворення, що мають номінативно-цілісне значення. Переважно такі конструкції можуть мати прості дієслівні відповідники: *пор. мати вигляд – виглядати, одержати перемогу – перемогти, мати слово – говорити*. Слова, що входять до їхнього складу, не мають семантичної самостійності, а є своєрідними словотвірними морфемами:

- (1) *Підземка має здатність* [здатна] *вбирати в себе тінь і голоси, по-статі й життя* (С. Жадан, 55).

М.М. Прокопович для таких сполучень використав термін *синтаксичне слово* (або еквівалент слова), що, на його думку, свідчить про найвищий ступінь фразеологізації вільного словосполучення, коли воно є неподільним (детальніше див. Прокопович 1969). М.В. Коротаєва деякі дієслівно-іменні описові звороти відносить до напівповнозначних зв'язок (Коротаєва 1991: 9), в яких основне лексичне навантаження несе залежна форма родового або знахідного відмінка девербатива чи прикметника.

До другої групи належать словосполучення з номінативно-розчленованим значенням, усі елементи якого утворюють загальне семантичне ціле. Такі компоненти неможливо замінити дієсловом. Однак ще Ф.І. Буслаєв зауважував, що хоча у мові функціонують і словосполучення, еквівалентні простому дієслову, й дієслова, але складне утворення виражає ту ж думку із новим відтінком, оскільки будь-яка форма у мові має свій власний смисл (*держать слово – говорить*). Деякі словосполучення служать для заміщення дієслів, яких у мові просто немає: *вести дружбу*. Тому не можна говорити про дієслівно-іменні описові звороти, як про своєрідні слова-морфеми. Крім уже зазначених особливостей, іменники у їхньому складі не втрачають зв'язку з відмінковою парадигмою і можуть мати в своєму складі атрибути: *отримати складну/важку/очікувану перемогу* (детальніше див. Буслаєв 1959).

П.О. Лекант (1967: 67) розмежував дієслівно-іменні описові звороти і словосполучення, складені члени речення і фразеологічні сполучення, кваліфікуючи їх як прості дієслівні присудки, оскільки дієслово у їхньому складі є своєрідною “примарою” (тобто воно втрачає конкретний зміст), хоча й

бере участь у формуванні загального предикативного значення. У сполученні *оказывать помощь*, на думку дослідника, активну ознаку виражено за допомогою обох слів, а граматичні значення – за допомогою дієслівного елемента. Головна ознака звороту – вираження єдиним найменуванням дієслівної ознаки (дії, стану). Отже, дієслівно-іменний зворот має подібність до простого дієслівного присудка семантично й функціонально. Однак таку кваліфікацію можна розглядати як спробу підтвердити флексійний характер слов'янських мов і заперечити наявність аналітичних утворень у них (пор. Солнцева–Солнцев 1965). Частина складених іменних присудків також функціонально й семантично тотожна дієсловам: *працювати листоношею, бути заввідділом* (пор. *шоферувати, малярувати* тощо). Але це аналітичні утворення, між частинами яких існує певний розподіл функцій, а також специфічний зв'язок. Між власне іменними присудками й дієслівно-іменними описовими зворотами немає відмінностей. О.П. Суник (1965: 74, 76) констатує, що аналітичний спосіб – це спосіб вираження синтаксичних відношень, це вираження морфологічних значень слів, пов'язаний з наявністю у мові так званих службових слів. Навіть конкретні дієслова, вживаючись у зв'язаному словосполученні, втрачають свою лексичну повнозначність, не переходячи до розряду службових. Наприклад, семантично нерозкладним є номен *чорне золото*, проте з погляду граматики – це аналітичне утворення.

Український дослідник М.О. Вінтонів (1997: 91) до розряду аналітичних утворень зараховує дієслівні присудки у формі майбутнього часу, утворені за допомогою слова *бути*, а фразеологізми, на його думку, є ізолюваними, лексично непроникними. О.І. Смирницький вважав, що аналітична форма має вступати у певні зв'язки й взаємодію з синтетичною. Тільки тоді можна говорити про її реальність, оскільки вона існує у мові не для заповнення лексичних лакун, а як один із засобів реалізації граматичного значення, синонімічний синтетичній формі. Тобто аналітичні дієслівні форми входять до словозмінної парадигми дієслова. Щодо аналітичних іменних утворень, то вони виступають синонімічними засобами до дієслівних форм (детальніше див. Смирницький 1956).

К.Г. Городенська (1999: 11), досліджуючи співвідношення синтетичних і аналітичних граматичних форм, зауважує, що при кваліфікації аналітичних форм важливим є виділення вторинних синтаксичних функцій основних чотирьох частин мови, тобто дослідження синтаксичної деривації. Так, присудок детермінує підмет щодо часу, способу, особи, тому основним способом вираження предиката завжди буде дієслово, якому властиві ці категорійні граматичні ознаки. Іменникова (взагалі іменна) форма можлива у присудковій лише за наявності зв'язки або невластиві зв'язки, що забезпечують необхідне дієслівне оформлення. Отже, вербалізовані іменники “завжди мають аналітичну форму, тому їх ще кваліфікують як аналітичні синтаксич-

ні дієслова” (Вихованець 1988: 87–88). У роботі дотримано погляду українських мовознавців, згідно з яким присудки, виражені дієслівно-іменними описовими зворотами, кваліфіковано як аналітичні форми.

Функціонування у ролі іменного присудка описових зворотів привертало увагу багатьох дослідників, насамперед наголошувалося, що дієслівно-іменникові сполучення є найбільш поширеним різновидом фразеологізованих утворень (Мордвилко 1964: 68). А.П. Мордвилко також виділив конструкції складного типу, у яких іменний компонент репрезентований вільним або стійким сполученням слів: *дати негативну відповідь, виступати у ролі*. До складу таких зворотів входять дієслова з абсолютним значенням, або ці значення є вторинними порівняно зі значеннями, що потребують обов’язкового розкриття за допомогою слів-поширювачів. Між частинами фразеологічного сполучення функції розподілено так само, як і в звичайному складеному іменному присудку: дієслово виражає граматичні категорії особи, часу, способу, виду; а іменний компонент передає смисловий (семантичний) зміст усієї сполуки. Відмінність полягає в тому, що в складеному присудковій іменна частина характеризується двобічним зв’язком – із підметом через зв’язок із зв’язкою. У дієслівно-іменних описових зворотах з синтаксичного погляду іменний компонент є залежним. Він передбачений семантикою дієслова: пор. *бути у курсі, бути у розпачі – надати свободу дій, дати раду* тощо. Отже, саме іменна частина є основним компонентом у реалізації семантики присудка. На доведення цієї думки можна навести приклади, коли дієслівний компонент є спільним для кількох семантично різнопланових, але протилежних, антонімічних чи синонімічних сполучень, відмінність між якими ґрунтується на варіюванні іменників у тій самій формі: або орудного, або знахідного відмінків тощо:

- (2) *На старість йому сиву голову таким соромом син покрив, перед усіма людьми і його і весь рід ізганьбив!* (Б. Грінченко, I, 57);
- (3) *Невмирущою славою покрили свої імена багато безсмертних синів [нашого] народу* (О. Довженко, 159).

П.О. Лекант (1967: 64) розрізняє такі утворення за ознакою порівняно стійкого характеру фразеологічних. Та сама мовна одиниця втрачає цілісність за умови вилучення з неї або заміни одного компонента:

- (4) *Не сподівався і простий лісоруб Василь Павличко, що його син Дмитро буде зайвим ротом у хаті* (З газети) – *Не сподівався і простий лісоруб Василь Павличко, що його син Дмитро буде добрим ротом у хаті;*
- (5) *Знов офіцер подав команду* (В. Сосюра, I, 251) – *Знов офіцер подав руку.*

У реченнях із фразеологізмом зміна компонента призводить до розпаду всього утворення, оскільки атрибут є основним конструктивним елементом фразеологізму, у реченнях з дієслівно-іменним зворотом – змінила загальне значення висловлювання (*скомандувати – привітатися*).

Фразеологічні утворення, на думку дослідників, є відтворюваними, а дієслівно-іменні описові звороти – побудованими на кожен конкретний випадок (Лекант 1967: 65). Однак компонентом, доданим до звороту у процесі мовлення, може бути лише атрибутивний поширювач. Основна дієслівно-іменна одиниця – готове утворення:

- (6) *Дівчина мала спортивний вигляд* (С. Жадан, 56);
- (7) *Вся його невисока, вузлувата постать мала вигляд дубового оокренка* (О. Черногуз, II, 18).

Крім уже виділених доказів про відмінність фразеологічних і дієслівно-іменних сполучень, П.О. Лекант (1967) виокремив ще одну ознаку: непроникність фразеологізму, тобто фіксований порядок слів-компонентів. Однак аналіз структури описових зворотів засвідчує, що їм також властива чітка упорядкованість: іменниковий компонент займає постпозицію стосовно дієслова:

- (8) *Ота щирість Ваша подає мені надію й на Вашу поміч* (М. Коцюбинський, I, 97);
- (9) *Його стаття носила науково-полемічний характер* (Д. Ткач, 107).

Можна погодитися з тим, що словоформи, які входять до складу дієслівно-іменного звороту, можливі і в інших аналогічних утвореннях із тим самим значенням, але внаслідок набутих синтаксичних особливостей уже безпосередньо у складі звороту словоформа стає ізольованою, зближуючись із простим словом.

Про семантичну першість іменникової форми свідчить ще й те, що саме вона є основним компонентом словосполучення, який зумовлює його валентність:

- (10) *Про штурм Берліна, в якому вони брали вирішальну участь* (С. Жадан, 67).

Являючи собою еквіваленти слів, фразеологічні сполучення подібно до простих слів можуть семантично поширюватися. Ускладнення семантики відбувається за рахунок приєднання до них залежних компонентів, виражених передусім формою прикметника:

- (11) *Тимоха Невкипілий цілковиту має рацію: повернуться фронтовики з війни, одразу наведемо лад* (А. Головка, I, 243);

формою непрямого відмінка іменника, іноді з прийменником:

- (12) *Чотири чоловіки – молоді вчені та інженери – складали екіпаж корабля* (О. Бердник, 257);
 (13) *Ейнштейн і Лобачевський перші стали на шлях руйнування звичних уявлень* (О. Бердник, 259);

формою іменника із залежним прикметником:

- (14) *Хворобливість його вдачі приймала часто несимпатичні форми дрібного егоїзму і навіть жорстокості* (Л. Українка, II, 341);

рідко – інфінітивом:

- (15) *Були латинці дружні люди і воюватись мали хіть* (І. Котляревський, I, 117).

Дієслова в описових зворотах можуть відрізнятися від зв'язки неповнотою парадигми: частина з них не утворює наказового або умовного способу, має обмежені видові відтінки, спосіб їх утворення тощо.

При десемантизації повнозначне дієслово набуває здатності утворювати парадигматичний ряд з іншим дієсловом, наприклад лексема *йти* при трансформації набуває переносних значень і може входити до парадигматичного ряду лексеми *вести*: *робота йде – роботу вести*. Взаємозаміна дієслів зумовлена не зміною референта, а лише зміною формальних граматичних відношень у реченні. Дієслово *мати* у першому значенні вживано “на позначення того, що комусь належить що-небудь, є його власністю; володіти чимось, посідати щось” (СУМ: V, 648).

- (16) *В Скрипчинцях був свій пан, та ще й небагатий; він мав тільки один присілок* (І. Нечуй-Левицький, 187).

У цьому реченні іменникова форма є облігаторною – при перехідному дієслові. У дієслівно-іменному звороті це ж дієслово частково втрачає значення – основний зміст предиката передає іменник:

- (17) *Має намір* [Іван] *викрасти поламаний віз* (Л. Мартович, 23).

Дієслівно-іменні звороти вступають у відношення з однокореневими дієсловами. Ці відношення можуть бути семантично еквівалентними, семантично близькими з тими або тими особливостями значення, семантично не співвідносними, протилежними (Мордвилко 1964: 84–85). Звороти першої групи не мають відмінностей у значенні з відповідним дієсловом:

- (18) *Кружляють, вурчать моторами юнкерси. Вони **ще мають змогу** сідати на міському іподромі* (О. Гончар, 29) – *Вони **ще можуть** сідати на міському іподромі;*
- (19) *Чекаю, щоб вона **дала дозвіл*** (Т. Малярчук, 68) – *Чекаю, щоб вона **дозволила**;*
- (20) *То не може бути, аби вона кому **стояла на заваді*** (В. Стефаник, 29) – *То не може бути, аби вона кому **заважала**.*

Основним критерієм відбору тієї чи тієї словоформи є стилістичні особливості тексту і її відповідність цьому стилю. Так, словосполучення *носити надію [у серці], подати [по]рятунок, подати хліба* актуальні для художнього або розмовного стилів, а лексеми *надіятися, порятувати, нагодувати* – для більш офіційного:

- (21) *А дід Ілько все жде, все жде, **надію в серці носить*** (Д. Павличко, 211) – *А дід Ілько все жде, все жде, **надіється**;*
- (22) *Ні один **не подав ні рятунку, ні хліба*** (Л. Українка, II, 307) – *Ні один **не порятував, не нагодував**.*

Єдиною перевагою дієслівно-іменного звороту є те, що він може вживатися із атрибутами, розширюючи за їхній рахунок семантику. На це звернув увагу ще Ф.І. Буслаєв (Буслаєв 1959: 310), зазначивши, що у виразах, у яких назва дії поєднана у дієслові й імені, “виявляється можливість означати самий предмет”:

- (23) *У кожній роботі **велику вагу має** не тільки її зміст, а й те – як той зміст вироблено* (П. Мирний, II, 257).

Такі конструкції можна трансформувати у прості дієслівні присудки із залежним якісним поширювачем:

- (24) *У кожній роботі багато важить не тільки її зміст, а й те – як той зміст вироблено.*

Однак семантична близькість не означає, що дієслово й описовий зворот можна абсолютно ототожнювати.

Другу групу дієслівно-іменних сполучень становлять звороти, що відрізняються за деякими ознаками, маючи попри те певну близькість. Однослівне дієслово цієї групи позначає дію, процес, стан як факт реальної дійсності. Описові звороти можуть суміщати значення якісної характеристики дії, стану з оцінкою:

- (25) *Сама нічого у рот не беру* (П. Мирний, II, 107);
- (26) *Не знав [дід Йосип] письма, а через те нічого не брав у тямки у тих мудрих книжках* (Ю. Бедзик, 17);
- (27) *Ти маєш уявлення про нашу передову? – глухо запитав Черниш* (О. Гончар, 219);

містити вказівку на інтенсивність вияву дії:

- (28) *Білозуб [...] глянув на Крутояра, який теж захоплено, як і всі, бив у долоні* (В. Собко, II, 97) – *Білозуб глянув на Крутояра, який теж захоплено, як і всі, аплодував;*

вказівку початку або закінчення дії чи стану:

- (29) *[Ви] Не журіться й не впадайте в тугу надаремно* (І. Нечуй-Левицький, 127);
- (30) *Він впав у лють* (Л. Денисенко, 281) тощо.

Іноді семантика однокореневого дієслова не може абсолютно дублювати дієслівно-іменну сполуку. Воно потребує залежного неозначеного займенника:

- (31) *Хіба ще ймення має дика пустка?* (Л. Українка, II, 151) – *Хіба ще якось називається дика пустка?*

До третьої групи малочисельних утворень належать звороти, семантика яких не відповідає семантиці однокореневого дієслова. Так, у конструкціях:

- (32) *Пані Швєта робила вигляд, що не зауважує голодного хлопця з гуртожитку* (Л. Дереш, 24);
- (33) *Щозими у білому місті транспорт припиняв своє існування* (С. Поваляєва, 18);

- (34) *Я згоден із думкою [...] Дж. Беквіза, котрий входить до складу робочої групи з етичних, юридичних і соціальних аспектів проекту "Геном людини" (З газети)*

трансформація не можлива:

- (35) *Пані Шьвєста [виглядала], що не зауважує голодного хлопця з гуртожитку;*
 (36) *Щозими у білому місті транспорт [не існував];*
 (37) *Я згоден із думкою Дж. Беквіза, котрий [складав] робочу групу з етичних, юридичних і соціальних аспектів проекту "Геном людини".*

Семантично невідповідним буде сполучення й у конструкції, у якій зворот можна замінити дієприкметником:

- (38) *Мені сором, [...] що носимо кайдани і стимо під ними спокійно (Л. Українка, II, 255),*

оскільки слово *ув'язнені* не вживане у переносному значенні, а сполучення *носимо кайдани* означає психологічну залежність, пригнобленість.

Можна виділити і четверту групу зворотів, які не мають однослівних дієслівних відповідників:

- (39) *Планована акція напевно **носитиме характер єдиної справедливої помсти** (К. Калитко, 149);*
 (40) *А сам я **брав участь** у перформенсах забороненої екологічної організації (Т. Прохасько, 35);*
 (41) *Він **має проблеми** з навчанням, кілька разів проходив свідком у справах, пов'язаних із дрібним хуліганством (С. Жадан, 192).*

У цьому випадкові дієслівно-іменний зворот передусім заповнює лакуну у лексичній системі. Про це свідчить, зокрема, книжний, нейтральний характер конструкції, її вживаність у тексті незалежно від його стилістичної належності.

Речення з дієслівно-іменними описовими зворотами, крім семантичних компонентів, що реалізують потенційну валентність власне іменної частини синтаксичного утворення, можуть мати у своєму складі й інші елементи, зумовлені формально-синтаксичною структурою висловлювання. Переважно це обставинні елементи:

- (42) *Хотіла – не хотіла бідна Олена, подавала у вечір рушники* (Ю. Федькович, 361);
- (43) *Він лежав якийсь час тихо, потім знову подавав голос* (Г.І. Волинка, 158).

Рідше трапляються випадки, коли поширювачем є облігаторний додаток:

- (44) *Я голос подаю за людськість і людину* (М. Рильський, 36);
- (45) *Марія багатьох жінок навколо себе згуртувала, в усьому подавала приклад* (І. Цюпа, 82).

Описові дієслівно-субстантивні елементи на зразок *мати вигляд, форму, значення; набувати значення, форми, вигляду* тощо є поширеними у науковому й публіцистичному стилях. Для текстів художнього стилю вони є потужним засобом створення враження книжності, офіційності:

- (46) *Космос – це вічна, ніким не створена матеріальна субстанція, що складається з атомів і має внутрішню здатність до руху і розвитку в безконечному просторі* (Г.І. Волинка, 507);
- (47) *Отримані результати брали до уваги лише в тому випадку, коли в контрольних культурах, що не містили вірус, цитодеструктивні зміни були відсутні* (З журналу);
- (48) *Вольфганська метафізика завдавала, на думку Канта, значної шкоди і освітнім наукам* (Г.І. Волинка, 479);
- (49) *Феофан Прокопович (1677–1736) зробив важливий внесок у психолого-педагогічну думку України, а потім і Росії* (Г.І. Волинка, 149);
- (50) *Асоціативна психологія бере свій початок із стародавньої філософії* (Г.І. Волинка, 176).

Отже, з проаналізованого матеріалу можна зробити висновок, що дієслово в описовому звороті зазнає граматикалізації, оскільки воно вже не номінує дію, а допомагає виражати значення іменного компонента. Іменникова словоформа виражає основне предикативне значення, не втрачаючи зв'язку з відмінковою парадигмою і набуваючи водночас нових валентнісних ознак. Подальший науковий пошук може бути спрямований на з'ясування стилістичних можливостей реалізації дієслівно-іменних описових зворотів у текстах різних мовних стилів.

ЛІТЕРАТУРА

- Алефіренко, М.Ф. 2004, Фразеологізм. В кн.: Русанівський, В.М. – Тараненко, О.О. – Зяблюк, М.П. (ред.), *Українська мова: Енциклопедія*. Київ: Вид-во “Українська енциклопедія” ім. М.П. Бажана.
- Буслаев, Ф.И. 1959, *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Учпедгиз.
- Виноградов, В.В. 1953, Основные типы лексических значений слова. *ВЯ* № 5, 3–29.
- Виноградов, В.В. 1969, О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка. В кн.: Виноградов, В.В. (відпов. ред.), *Мысли о современном русском языке*. Москва: Просвещение.
- Вихованець, І.Р. 1988, *Частини мови в семантико-граматичному аспекті*. Київ: Наукова думка.
- Вінтонів, М.О. 1997, Аналіз і аналітизм. В кн.: Загнітко, А.П. (наук. ред.), *Функціонально-комунікативні вияви граматичних одиниць: Збірник наукових праць*. Київ: ІЗМН.
- Городенська, К.Г. 1999, Співвідношення синтетичних й аналітичних форм у контексті дієслівної синтаксичної деривації. В кн.: Артикуца, Н.В. (наук. ред.), *Система і структура східнослов'янських мов: міжжаф. збірник наукових праць*. Київ: Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова.
- Гошилик, В.Б. 2006, *Семантико-синтаксична структура речень із предикатними стійкими дієслівно-іменними сполуками в сучасній українській мові*. Автореф. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 “Українська мова”. Івано-Франківськ.
- Коротаяева, М.В. 1991, *Семантика связочных глаголов в структуре предложения*. Автореф. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 “Русский язык”. Москва.
- Лекант, П.А. 1967, Описательные глагольно-именные обороты в функции сказуемого. *Ученые записки МОПИ имени Н.К. Крупской: Русский язык, т. 204, вып. 14*. Москва.
- Мордвилко, А.П. 1964, *Очерки по русской фразеологии*. Москва: Просвещение.
- Прокопович, Н.Н. 1969, Об устойчивых словосочетаниях аналитической структуры в русском языке советской эпохи. В кн.: Виноградов, В.В. (відпов. ред.), *Мысли о современном русском языке*. Москва: Просвещение.
- Смирницкий, А.И. 1956, Аналитические формы. *ВЯ* № 2, 41–52.
- Солнцева, Н.В. – Солнцев, В.М. 1965, Анализ и аналитизм. В кн.: Жирмунский, В.М. – Суник, О.П. (відпов. ред.), *Аналитические конструкции в языках различных типов*. Москва–Ленинград: Наука.
- СУМ – *Словник української мови, тт. I–IX*. Київ: Наукова думка, 1970–1980.
- Суник, О.П. 1965, О понятиях «аналитическая форма слова» и «аналитический строй языка». В кн.: Жирмунский, В.М. – Суник, О.П. (відпов. ред.), *Аналитические конструкции в языках различных типов*. Москва–Ленинград: Наука.

ДЖЕРЕЛА

- Андрухович, Ю. *Трициліндровий двигун любові*. Харків: Фоліо, 2008.
- Бедзик, Ю. *Гіпсова лялька: Роман*. Київ: Дніпро, 1989.
- Бердник, О. *Діти Безмежжя*. Київ: Тріада-А, 2004.
- Волинка, Г.І. (ред.). *Вступ до філософії: Історико-філософська пропедевтика. Підручник*. Київ: Вища школа, 1999.
- Головко, А. *Твори в трьох томах, т. I*. Київ: Радянський письменник, 1962.
- Гончар, О. *Собор*. Київ: Дніпро, 1989.
- Грінченко, Б. *Твори в двох томах, т. I*. Київ: Наукова думка, 1990.
- Денисенко, Л. *Помилкові переймання або Життя за розкладом вбивць*. Київ: Нора-Друк, 2007.
- Дереш, Л. *Трициліндровий двигун любові*. Харків: Фоліо, 2008.
- Довженко, О. *Зачарована Десна. Оповідання. Щоденник (1941–1956)*. Київ: Дніпро, 2001.
- Жадан, С. *Anarchy in the UKR*. Харків: Фоліо, 2006.
- 3 газети – *Літературна Україна* № 11, 18 березня 2007.
- 3 журналу – *Мікробіологічний журнал*, т. 69, № 6, 2007.
- Калитко, К. *Містерія: Повість, оповідання*. Київ: Факт, 2006.
- Котляревський, І. *Твори у двох томах, т. I*. Київ: Дніпро, 1969.
- Коцюбинський, М. *Твори в 2-х тт, т. I*. Київ: Наукова думка, 1988.
- Малярчук, Т. *Говорити*. Харків: Фоліо, 2007.
- Мартович, Л. *За межу*. Київ: Наукова думка, 1968.
- Мирний, П. *Зібрання творів у семи томах, т. II*. Київ: Наукова думка, 1968.
- Нечуй-Левицький, І. *Микола Джеря: Повісті, оповідання, нариси*. Київ: Веселка, 1988.
- Павличко, Д. *Ялівець*. Київ: Веселка, 2004.
- Поваляєва, С. *Екзсумація міста*. Львів: Кальварія, 2006.
- Прохасько, Т. *Лексикон таємних знань: Новели*. Львів: Кальварія, 2006.
- Рильський, М. *Лірика*. Київ: Дніпро, 1984.
- Собко, В. *Твори в шести томах, т. II*. Київ: Дніпро, 1979.
- Сосюра, В. *Вибрані твори, т. I*. Київ: Наукова думка, 2000.
- Стефаник, В. *Твори*. Київ: Наукова думка, 1964.
- Ткач, Д. *Шторм і штиль: Роман*. Київ: Веселка, 1978.
- Українка, Л. *Твори у чотирьох томах: т. II*. Київ: Дніпро, 1981.
- Федькович, Ю. *Твори: Повісті, оповідання, казки, драматичні твори, листи*. Київ: Дніпро, 1984.
- Цюпа, І. *Назустріч долі*. Київ: Наукова думка, 1958.
- Чорногуз, О. *Твори в двох томах, т. II*. Київ: Дніпро, 1986.

ЛАСЛО ХАДРОВИЧ И СЕГЕД

Имре Х. Тот

(Н. Tóth Imre, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szlav Filológiai Tanszék
szlav@primus.arts.u-szeged.hu)

Столетие выдающегося венгерского ученого, академика Ласло Хадровича (1910–1997) отметили и в Сегедском университете.

Признанный авторитет в области истории венгерской славистики Лайош Кишш в своей прекрасной книге о Ласло Хадровиче (Kiss 1999: 26) упоминает о том, что в 1942–1943 учебном году Хадрович в качестве приглашенного лектора преподавал славянскую филологию в Сегедском университете. К сожалению, Л. Кишш не пишет о деятельности профессора в Сегеде и об опубликованных здесь трех или четырех работах. Этот пробел мы хотели бы заполнить в нижеследующей работе.

Благодаря историческим и географическим факторам, переехавший сюда в 1921 году Коложварский, а также созданный в 1940 году Сегедский университет сыграл свою роль в изучении и поддержании сербского и словацкого просвещения. Руководство университета оценило возможности, открывающиеся для изучения окружающих славян. Исходя из этого понимания, университет сначала создал сербскую лекторскую группу, а начиная с сороковых годов предпринимались серьезные усилия для освоения и развития славянской, в первую очередь южнославянской филологии. Благодаря своему географическому положению университет был практически обречен стать центром южнославянской филологии.

Ниже мы попытаемся дать очерк изучения в Сегедском университете славянской филологии, вернее славянских филологий – южнославянской, восточнославянской и западнославянской.

Обычной практикой при закладывании основ изучения нового иностранного языка является создание руководством университета на первых порах условий для преподавания иностранного языка на уровне лекторов. Затем вводится методичное преподавание данного языка, а после этого начинается и научная работа. Так было и в нашем университете, где изучение славянских языков началось с приглашения лектора **сербского языка**. Греко-католический священник д-р Михай Дорослаи с 14 июня 1935 года начал преподавать два часа в неделю сербохорватский язык на филологическом факультете в качестве «приват» преподавателя. Эта ситуация не менялась до начала 40-х годов. После временного воссоединения южных территорий с Венгрией в университет записалось много студентов, которые не

могли продолжать начатое изучение сербского или хорватского языка, так как этих предметов не было в университетской программе.

Понимая необходимость преподавания **сербского и южнославянских языков** на научном уровне декан филологического факультета Йенё Колтаи-Кастнер на состоявшемся 30 сентября 1942 года заседании Совета факультета предложил объявить на факультете лекции по южнославянской филологии. Лучшим решением по мнению декана было бы открытие кафедры южнославянских языков, но средства в бюджете нашлись на это только в 1944 году. В качестве временного решения декан предложил пригласить читать лекции по южнославянскому языкознанию **Ласло Хадровича**, приват-доцента Университета им. Петера Пазмань и сотрудника Научного института им. Пала Телеки. Предложение декана было единогласно принято. На этом же заседании профессор Йожеф (Халаши) Надь внес предложение обеспечить на факультете подготовку преподавателей сербского языка. 19 ноября 1942 года Совет факультета одобрил предложение, связанное с созданием кафедры южнославянской филологии, и просил ректора внести это предложение в министерство по делам религии и образования.

Пригласив Ласло Хадровича, Совет факультета получил для университета прекрасного специалиста. 12 апреля 1942 года Ласло Хадрович прошел в Университете им. Петера Пазмань habilitation по венгерско-южнославянским литературным связям на степень приват-доцента. Ласло Хадрович принадлежал к новому поколению венгерской славистики. Вместе с современниками он считал, что венграм следует видеть в славянах не врагов, а товарищей по судьбе, у которых они в различных исторических условиях многому научились, и которых также многому и научили. Позднее в своей статье *Венгерская южнославянская филология с 1945 года*¹ (Filológiai Közlöny 1970, XVI, 270) Ласло Хадрович сформулировал это положение следующим образом: «весь ход политического и культурного развития венгерского народа роднит его с окружающими или живущими с ним в одном государственном сообществе народами, и существенной чертой этого родства является то, что оно оказалось связующей силой за пределами языковых границ. Настоящая картина развития венгерской литературы проявляется в связи с этим родством, в котором укореняется ее истинная венгерская функция, и в этом сообществе выделяются ее европейские ценности».

В центре научной работы Ласло Хадровича в качестве сотрудника отдела истории Научного института им. Пала Телеки стояло решение серб-

---

¹ Названия работ Ласло Хадровича и других авторов, которые были опубликованы на венгерском языке, сейчас и в дальнейшем будут приводиться в переводе на русский язык.

ского национального вопроса. С этой точки зрения весьма большое значение имеет его работа *Балканские корни сербского национального вопроса в Венгрии* (Budapest: Athenaeum, 1942), расширенная версия которой, с описанием положения Сербской церкви при турецком владычестве, вышла под названием *Религия, церковь, национальное сознание* (Budapest: ELTE Szláv Tan-szék, 1991). Кроме того он занимался также историей венгерско-хорватских отношений. Таким образом, для организации исследований по славистике в Сегеде был привлечен признанный специалист.

В Сегеде Ласло Хадрович ставил перед собой две задачи: заложить **общие** основы изучения славистики, а также создать возможности **специального** обучения этой дисциплины. Этот подход проявился и в его университетской практике. Во втором семестре 1943–1944 учебного года им были прочитаны следующие лекции по славянской филологии: *Происхождение и источники древнего церковнославянского языка*, *Южнославянские народы и их языки*. Логическим продолжением этого курса были прочитанные в первом семестре 1943–1944 учебного года лекции *Фонетический строй древнего церковнославянского языка* и *История хорватской средневековой литературы*. Во втором семестре 1943–1944 учебного года по предмету «Славянская филология» были объявлены лекции «Морфология древнего церковнославянского языка» и «Древняя рагузская литература».

Стоит обратить внимание на занятия по предмету «Славянская филология», объявленные в расписании для первого семестра 1943–1944 учебного года. Здесь находятся следующие курсы: «Фонетический строй древнего церковнославянского языка» – 2 ч., д-р Ласло Хадрович; «История хорватской средневековой литературы» – 1 ч., д-р Ласло Хадрович; «Король Матияш в словенской народной традиции» – 2 ч. каждые 2 недели, приват-доцент д-р Агоштон Павел; «Сербский язык для начинающих» – 2 ч., д-р Михай Дорослаи; «Хорватский язык для начинающих» – 2 ч., Дьюла Вандор; «Словацкий язык для начинающих» – 2ч., Дьюла Краммер.

Этот «ассортимент» уже отвечал требованиям преподавания славянских языков в сороковые годы. В то же время здесь отрывались возможности успешного развития. Сегедский университет и город Сегед по праву могли гордиться тем, что в то время здесь преподавали два признанных представителя венгерской южнославянской филологии: д-р Агоштон Павел и д-р Ласло Хадрович.

Ласло Хадрович разработал действующую и перспективную до наших дней концепцию о том, какое значение может иметь преподавание славистики в Сегедском университете. Согласно этой концепции, наряду с преподаванием и изучением общеобразовательных дисциплин славистики, в силу его положения на юге Венгрии в университете на центральном месте

стоит преподавание и изучение южнославянской (сербской и хорватской) филологии, что не исключает возможности изучения других славянских филологий. Ласло Хадрович опубликовал свои подробно разработанные соображения в статье *Значение славистики в Сегедском университете* (см. сегедский журнал *Délvidéki Szemle* 1944, III, № 9–10, 398–406). Из этой работы хорошо видно, что несмотря на трудности военного времени работавшие в Сегедском университете слависты питали надежду на продолжение научной работы в своем вузе. В кругу интересующихся славянской филологией в университете и в городе эта программа считалась актуальной и при создании кафедры славянской филологии в 1947 году, так как в первом номере журнала *Tiszatáj* (1947, I, № 1, 42–49) с учетом изменившихся обстоятельств она была опубликована под названием *Славистика в Сегедском университете*. В этой работе подчеркивалось, что исторические источники доступны только после филологической обработки. Расшифровка исторических источников возможна только при наличии основательной подготовки по славянской филологии. Исходя из этих соображений, пока была такая возможность, мы включали в курс для слушателей PhD по истории средневековья коллоквиум *Хунгаро-славика*.

Ласло Хадрович опубликовал в журнале *Délvidéki Szemle* еще две статьи: *Венгрия и сербское просвещение* (1942, I, № 9, 372–382) и *Образование сербского национализма и венгерские сербы* (1943, II, № 5, 193–201). В работе *Венгрия и сербское просвещение* автор убедительно показывает, что культурное развитие венгерских сербов в XVIII веке привело к тому, что в первой половине XIX века все культурные инициативы исходили от сербов, живущих в Венгрии. Отсюда также происходила сербская интеллигенция, которая организовала уже в Сербии администрацию, школьное и более высшее образование. В указанной работе Ласло Хадрович прекрасно показывает роль Венгрии в сербском просвещении нового времени, которое помогло относительно быстро преодолеть многовековое отставание Сербии.

Это была новаторская работа Ласло Хадровича, которая сохранила свою актуальность и в наши дни. Также значительной была и остается до сих пор небольшая монография *Венгерско-южнославянские культурные связи* Ласло Хадровича, которая вышла в Будапеште в авторитетной библиотеке Общества *Magyar Szemle* в 1944 году, то есть во время работы автора в Сегедском университете. В этой небольшой по объему, но важной книге автор суммирует историю венгерских и хорватских, сербских, а также словенских культурных связей. Здесь можно найти не только изложение результатов более ранних работ, но нашли свое место и самостоятельные исследования автора. Указанный труд Ласло Хадровича дает ценную и оригинальную картину культурных связей венгров и южных славян до 1944 года.

Так как здесь зашла речь о журнале *Délvidéki Szemle*, следует сказать несколько слов об этом (намеренно) забытом и неправильно понятом издании. В первом номере *Délvidéki Szemle* главный редактор журнала профессор д-р Йенё Колтаи-Кастнер описал цели журнала следующим образом: «по нашему убеждению само собой разумеется, что перед сегедским журналом должна стоять задача наблюдать за духовной жизнью наших южнославянских соседей и таким образом вносить в наш журнал новую струю». *Délvidéki Szemle* справился с этой задачей, так как добросовестно информировал читателей об экономической и культурной ситуации у наших южнославянских соседей. В журнале появился не один материал, привлекающий внимание к жизни окружающих славян и представляющий актуальную по сей день информацию. Не претендуя на полноту, кроме вышеуказанных статей Ласло Хадровича мы перечислим здесь еще несколько публикаций и других авторов: Золтан Чука: *Венгерская сербская литература* (1944, III, № 1, 1–7); Эндре Сирмаи: *Русины области Бачка* (1944, III, № 2, 60–65); Бела Балинт: *Основные направления словенской литературы* (1944, III, № 3, 108–118); Ласло Беркеш: *Далматско-венгерское культурное влияние* (1944, III, № 5, 217–228). Агоштон Павел также был сотрудником журнала, который внес свой вклад в ознакомление читателей с южнославянской литературой, осуществив художественный перевод трех произведений: *Сибиняни Янко и Смедеревач Дьерде* (1942, I, № 6, 223–225); *Скрипач у дверей ада* (1942, I, № 8, 332) и Иван Цанкар: *Приговор* (1943, II, № 9, 414–416).

Значительная часть сотрудников журнала *Délvidéki Szemle* являлась преподавателями университета. Все это – яркое доказательство того, что несмотря на трудные, военные времена в университете создавалась творческая мастерская славянской филологии, цели которой совпадали с разработанной Ласло Хадровичем программой.

К сожалению, это развитие было прервано военными событиями. В 1945 году все пришлось начинать с начала.

После 1945 года руководство филологического факультета в новых, изменившихся условиях не отказалось от организации кафедры славянской филологии. 7 июня 1945 года Совет факультета предложил создать **кафедру южнославянской филологии**, на должность заведующего которой был предложен Ласло Хадрович в качестве штатного профессора. Решение Совета факультета было представлено 9 августа 1945 года в министерство по делам религии и образования деканом факультета профессором Цецил Богнар. В представлении подчеркивались заслуги профессора при заложении основ славянской филологии в Сегедском университете в 1942–1943 и 1943–1944 учебных годах. Хотя профессура официально была объявлена, назначение Ласло Хадровича профессором к большому сожалению не состоялось.

Несмотря на ее непродолжительность, наш университет считает деятельность Ласло Хадровича в Сегедском университете важным этапом. Это выражается и в том, что в 1996 году Сенат Сегедского университета за заслуги профессора в деле развития славистики в Сегеде присвоил ему звание доктора наук «гонорис кауза».

ЛИТЕРАТУРА

Kiss Lajos 1999, *Hadrovics László*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Перевод с венгерского А. Заварзина

K VOJENSKÉMU NÁZVOSLOVÍ HABSBURSKÉ ARMÁDY (1620–1918)¹

Tamás Tölgyesi

(Tölgyesi Tamás, Pázmány Péter Katolikus Egyetem, BTK, Cseh Tanszék
tolgyesi.tamas@btk.ppke.hu)

Velení habsburské armády bylo v německém jazyce, a proto není divu, že starší vojenské terminologie česká, slovenská i maďarská obsahovaly nemalý počet lexikálních germanismů. V období od bělohorské bitvy roku 1620 do konce 1. světové války roku 1918 bylo přejato nejvíce vojenských výrazů z nové horní němčiny² do jazyků národů Habsburské monarchie, např. č. zast. *obšíd*, zast. *obšít*, zast. *obšit*, slk. zast. *obšít*, maď. zast. *obsit* ‘průkaz o propuštění z vojska’ z nhn. *Abschied* ‘rozloučení’.³

Č. *barák*, slk. *barák*, *barak* a maď. *barakk* jsou přes nhn. *Baracke*⁴ ‘bouda pro vojáky’, ‘vesnická chalupa’ z fr. *baraque* a to ze šp. *baracca*. Význam ‘dům (i velký a pěkný)’ je už při fr. *baraque* (Machek 1971: 46). V češtině a slovenštině ztratil *barák*, resp. *barak* svou expresivnost a dnes se v běžně mluveném jazyce užívá mj. i ve významu ‘dům vůbec’.

Č. zast. *batalion*, dř. zast. *bataliόν* i zast. *pataliόν*, slk. zast. *bataliόν*, maď. zast. *bataillon*, dř. zast. *bataliόν* (Melich 1895: 13) ‘prapor’ je přes nhn. *Bataillon* a fr. *bataillon* z it. *battaglione* od *battaglia* ‘bitva’. Stejný etymon mají č. *patálie* hovor. expr. ‘nepříjemná záležitost, trápení, nesnáz, svízeľ, potíže’ (Petráč-

---

¹ Studie je přepracovaná verze příspěvku, který byl přednesen dne 9. listopadu 2006 na XVI. kolokviu mladých jazykovědců organizovaném Slovenskou akademií věd v Časté-Papierničce (Tölgyesi 2009b) a 18. května 2007 na X. konferenci maďarských doktorandů konané na Univerzitě obrany Miklóse Zrínyiho v Budapešti (Tölgyesi 2007 – Autor se svým článkem a přednáškou skončil v celostátní vědecké soutěži maďarských doktorandů v Budapešti na druhém místě. Jeho školitel, prof. Antonín Vašek, byl odborným kurátorem zvláště oceněn – T. T.).

² Termínem *horní němčina* (něm. *Hochdeutsch*) je označována spisovná němčina. Naproti tomu *dolní němčina* (něm. *Niederdeutsch* neboli *Plattdeutsch*) označuje dialekty severních oblastí Německa, kde nebylo provedeno tzv. druhé posouvání hlásek (něm. *Lautverschiebung*).

³ Zkratky jazyků a dialektů: angl. = anglický, bav. = bavorský, č. = český, fr. = francouzský, it. = italský, lat. = latinský, maď. = maďarský, něm. = německý, nhn. = novohornoněmecký, prov. = provenzálský, slk. = slovenský, stč. = staročeský, šp. = španělský, vlat. = vulgárně latinský.

⁴ Viz níže souhrnná tabulka vojenských výrazů přejatých z němčiny v českém, slovenském a maďarském jazyce.

ková–Kraus 2000: 573), slk. *patália*, hovor. *patálie* ‘potíží’ (Gašparíková–Kamiš 1986: 359) a maď. *patália* ‘hlučná hádka’ (Horváth 1978: 40–41).

Č. *bunkr*, slk. a maď. *bunker* jsou přes nhn. *Bunker* z angl. *bunker* ‘skladisté uhlí ap.’. Ve významu ‘vojenská pevnůstka’ se výrazu užívá od 1. světové války (Rejzek 2001: 98).

Č. *execírovat*, slk. *execírovať* a maď. *egze(r)círoztať* jsou přes nhn. *exerzieren* z lat. *exercere*. V našich jazycích se slovo původně používalo ve smyslu ‘vycvičovat vojáky’, pak se významově rozšířilo a dnes znamená ‘prohánět někoho, např. žáky’.

Č. *felčar*,⁶ slk. *felčiar*, maď. *felcser*⁷ ‘(vojenský) ranhojič’ je z nhn. *Feldscher*, dř. *Feldscherer*. Něm. kompozitum je utvořeno ze substantiva *Feld* ‘pole’ a slovesa *scheren* ‘stříhat (nůžkami)’. Holiči dříve ve vojsku sloužili jako ranhojiči (Rejzek 2001: 168–169). V dnešní hovorové češtině a slovenštině se to někdy pejorativně říká špatnému, popř. nesympatickému lékaři.

Č., slk. a maď. zast. *flinta* ‘puška’ je z nhn. *Flinte*. Při svých terénních výzkumech konaných u tří různých generací rodilých českých mluvčích v České republice jsem zjistil, že germanismy *flinta* a synonymní *kvér* (z bav. *kvēr*, *gvēr* k nhn. *Gewehr*) používají už pouze lidé vyššího věku (Tölgyesi 2008a: 246; Tölgyesi 2009a: 343). Zde je nutno poznamenat, že frazémy občas fungují jako konzervační prostředky pro zastaralé výrazy, např. *hodit flintu do žita* ‘vzdát něco’ (viz k tomu Bělič 1969: 12).

Č. *front*, *fronta*, slk. a maď. *front* jsou přes nhn. *Front* z fr. *front*, popř. it. *fronte* a to z lat. *frons* ‘přední strana’. Polysémní slovo má ve všech třech citovaných jazycích přejímajících z němčiny tyto významy: 1. ‘bojiště’; 2. ‘rozhraní dvou vzduchových hmot lišících se teplotou, vlhkostí ap.’, např. *studená fronta*; 3. ‘seskupení politických stran, organizací, osob ap. se společným zaměřením, cílem’, např. *Národní fronta Čechů a Slováků*; 4. ‘průčelí budovy’ (srov. Filipec–Daneš 2005: 86). Zmíněné slovo má v češtině další význam ‘skupina, zprav. zástup čekajících lidí’. Pojem ‘stát ve frontě’ vyjadřují něm. *Schlange stehen* a maď. *sorban áll*.⁸

⁵ Maď. *egze(r)círoztať* je kauzativum od zast. *egze(r)círoz* ‘cvičit se’ (srov. Bakos 2005: 163–164).

⁶ Když se v německém výrazu vyskytují *l* a *r*, často si v češtině vyměňují pozici, např. něm. *Feldscher* > č. *ferčal* vedle *felčar* (Mayer 1927: 52).

⁷ Károly Mollay (1982: 262) soudí, že maď. *felcser* bylo dříve přejato z raně nové horní němčiny, tj. v období mezi 1350 a 1650.

⁸ Český ekvivalent pro něm. *Schlange* je *had*, pro maď. *sor* je *řada*. Slovesa něm. *stehen* a maď. *áll* znamenají ‘stát’. Slovní spojení *Schlange stehen* by se dalo přeložit jako *stát ve frontě ve tvaru hada*.

Č. *grenadírmars*, slk. *granadírmars* a maď. *grenadírmars* jsou z nhn. *Grenadiermarsch*. Ve vojenském slangu to původně znamenalo 'granátnický pochod'. Dnes je to název jídla z brambor a těstovin ohřátých na zpěněné cibulce, s přísadou masa, slaniny ap (Tölgyesi 2011: 31).

Č., slk. a maď. zast. *hapták* 'postoj v pozoru' je z nhn. *Habacht(stellung)* podle povelu *habt Acht!* 'pozor!', doslova '(mějte) pozor'.

Č. *kádr*, slk. a maď. *káder* je přes nhn. *Kader*, fr. *cadre* 'rám' a it. *quadro* z lat. *quadrum* 'čtyřhran'. Původně 'stálý početní stav vojenských jednotek', později 'skupina osob tvořících základ celku'. Po 2. světové válce znamenalo plurale tantum *kádry* podle sovětského vzoru 'pracovníci s určitou kvalifikací, zvl. politicky přijatelní pro vládnoucí stranu totalitního režimu' (Kraus 2006: 378).

Č. *kantýna*, slk. *kantína* a maď. *kantin* 'menší prodejna v kasárnách, popř. v závodech' jsou přes nhn. *Kantine* a fr. *cantine* z it. *cantina* 'sklep'. Maď. slovo do dnes žije ve vojenském slangu (Kis 2008: 175).

Maď. zast. *káplár*, č. a slk. zast. *kaprál*⁹ 'desátník' je přes nhn. zast. *Capral* (dnes *Korporal*), fr. *corporal*, *caporal* z it. *caporale* od *capo* 'hlava'.

Č. *kasárna*, -ren neutr. pomn., *kasárny*, -ren fem. pomn., slk. *kasáreň*, a maď. *kaszárnya* 'budova určená k delšímu ubytování vojenských jednotek' jsou přes nhn. *Kaserne* a fr. *caserne* 'strážní místnost v pevnosti' z prov. *cazerna* 'místnost pro čtyři strážné' a to z vlat. *quaderna* 'čtveřice' (Newerkla 2004: 451).

Maď. *komandó*, č. a slk. *komando* je přes nhn. *Kommando* z fr. *com-mando*, popř. it. *comando*. Původně znamenalo 'rozkaz'. V dnešním českém, slovenském a maďarském tisku se slovo nezřídka vyskytuje jako označení bojůvky se speciálními úkoly. V hovorovém jazyce českém i slovenském se běžně užívá expr. *komandovat*, resp. *komandovať* 'upřílišněně rozkazovat', např. *muž komanduje svou ženu*.

Č. zast. *kompanie*, zast. *kumpanie*, slk. a maď. zast. *kompánia* 'vojenská jednotka', 'společnost' jsou přes nhn. *Kompanie*, *Kompagnie* z it. *compagnia*, popř. fr. *compagnie*.

Č. *lágr*, slk. a maď. *láger* je z nhn. *Lager*. Původně znamenalo 'vojenský tábor', ve významu 'zajatecký, koncentrační tábor' se užívá od 2. světové války (Zaicz 2006: 469).

Č., slk. a maď. zast. *lajtnant* 'poručík' bylo přejato přes nhn. *Leutnant* z fr. *lieutenant*.

Č. zast. *lénunk*, slk. a maď. zast. *lénung* 'žold' je z nhn. *Löhnung* 'žold', 'výplata žoldu' (Felszeghy 1938: 78). K nejčastějším expresivům řadí Emil Skála (1968: 136) germanismy, které mají původní německý sufix *-ung* v podobě *-unk*,

⁹ Podle Jiřího Nekvapila (1979) se *kaprál* jako výraz expresivní ještě vyskytoval v českém vojenském slangu 70. let.

-uňk v češtině, např. č. *mišuňk*¹⁰ 'míchanice, zmatek' z nhn. *Mischung*. Dodal bych, že značná část germanismů tohoto typu patří mezi zastaralé vojenské výrazy slangového rázu, např. č. zast. *meldunk*, zast. *melduňk* 'hlášení' z nhn. *Meldung*, č. zast. *štelunk* '(opevněné) postavení' z nhn. *Stellung* (Tölgyesi 2008b: 260).

Č. *mančaft*, *manšaft*, slk. *mančaft* a maď. *mancsaft*, *mansaft* 'mužstvo' jsou z nhn. *Mannschaft*. Nejdříve se slovo užívalo ve vojenském, později ve sportovním slangu, kde je v současné době č. *tým*, slk. *tím* (z angl. *team*) často frekventovanější než *mančaft*. V dnešní maďarštině se používá *mancsaft* jen pro označení posádky lodi.

Polysémní č. *manévr*, slk. *manéver*, maď. *manöver* (přes nhn. *Manöver* z fr. *manœuvre*) má tyto významy: 1. 'větší vojenské cvičení' (v češtině a slovenštině v tomto významu výlučně: pomn. *manévry*, resp. *manévry*); 2. 'taktický postup', např. č. *volební manévr*, slk. *volebný manéver*, maď. *választási manöver*; 3. 'účelný pohyb letadla, lodi'.

Maď. *mars*, č. a slk. *marš* 'pochod vojska',¹¹ 'pochod(ová skladba)' je přes nhn. *Marsch* z fr. *marche*. Maď. *mars*, č. a slk. *marš* (přes nhn. *marsch* z fr. *marche*) ve funkci citoslovce vyjadřuje pobídku k pochodu, kupředu nebo vybídnutí k odchodu.

Č. *mašírovat*, slk. *mašírovať* a maď. *masíroz* jsou přes nhn. *marschieren* z fr. *marcher*. Podle SSČ (Filipec–Daneš 2005: 174) a NASCS (Kraus 2006: 507) *mašírovat* znamená obecně česky 'pochodovat' a expr. '(rychle) jít'.

Maď. *mundér*, č. a slk. *mundúr* je z německého tvaru nespisovného, který odpovídá nhn. *Montur* 'vojenská uniforma', pak 'pracovní oděv' (Kluge 2002: 630). V maďarštině se říká frazém a *mundér becsülete*, což znamená kolegialitu, doslova 'čest mundúru'.

Č. zast. *obrst*, zast. *obršt*, slk. zast. *oberst* a maď. zast. *óbester* 'plukovník' (v bývalé rakousko-uherské armádě) jsou z nhn. *Oberst*, zast. *Obrist*, zast. *Oberster*.

Č. *ofenzíva*, *ofenzíva*, slk. *ofenzíva* a maď. *offenzíva* jsou přes nhn. *Offensive* z románských jazyků. Dnes, když vojenské velmoci zahajují den co den rozsáhlé útočné akce, tedy novodobé války proti různým zemím, je slovo *of(f)enzíva* v hromadných sdělovacích prostředcích užíváno velmi často.

Č. zast. *oficír*, slk. zast. *oficier* a maď. zast. *oficér* 'důstojník' jsou přes nhn. *Offizier* z fr. *officier* 'vysoký úředník, důstojník' a to z lat. *officiarius* 'úředník, služebník'.

¹⁰ Slovo má v profesionální mluvě stavebníků (citově neutrální) význam 'čerstvě zamíchaná betonová směs'.

¹¹ V tomto významu bylo v Česku známo jako zlidovělé někdy v 20. a 30. letech minulého století. Dnes je silně zastaralé. Za tuto poznámku vděčím profesorovi Antonínu Vaškovi.

Maď. zast. *ordonánc*, č. a slk. zast. *ordonanc* (z nhn. *Ordonnanz*) byl v rakousko-uherské armádě poddůstojník vyčleněný ke štábu velitele, zabezpečující předávání rozkazu, vojenský posel (Kraus 2006: 576).

Č. *patrona*, slk. *patrón* a maď. *patron* 'náboj', 'nábojnice', 'šablona na malování' jsou přes nhn. *Patrone* z fr. *patron* 'šablona'. V souvislosti s tiskárnou se nyní daný výraz nejčastěji objevuje ve slovním spojení, resp. kompozitu č. *inkoustová patrona*, slk. *atramentový patrón*, maď. *tintapatron*.

Maď. *poszt*, č. a slk. *post* je přes nhn. *Post(en)* z it. *posto* a to z lat. *positus* 'místo, postavení'. Sém 'stanoviště strážce' něm. *Post(en)* mělo i stč. *post*, které je dnes frekventovaným označením pro vysoké postavení v jazyce publicistiky (např. *manažerský post*) a pro umístění hráčů ve sportovním slangu (např. *brankářský post*).

Č. *pryčna*, slk. *priča* a maď. *priccs* 'vojenské, vězeňské lůžko sbité z prken' jsou z nhn. *Pritsche*.

Č. *rank*, *rang*, slk. a maď. *rang* 'vojenská, popř. úřední hodnost' je přes z nhn. *Rang* z fr. *rang* (Benkő 1976: 344). Zde můžeme být svědky toho, jak odlišné osudy mohou mít přejímky stejného původu v různých jazycích. České výrazy a slovenské slovo fungují v hovorovém jazyce, zatím co maďarský výraz je spisovný.¹²

Maď. zast. *rap(p)ort*, č. a slk. zast. *raport* 'vojenské, úřední hlášení' je z nhn. *Rapport*.

Č. zast. *rekrut*, slk. zast. *regrút* a maď. zast. *regruta* 'odvedenec' jsou přes nhn. *Rekrut* z fr. *recrute*, *recrue* 'dorost'. Č. *rekrutovat* znamenalo získávat nové členy do vojska. Reflexivní varianta téhož slovesa se jako slangismus vyskytuje v dnešním českém tisku ve významu 'pocházet', např. *vystavující autoři se rekrutují z různých zemí světa*.

Č. *sakumpak*, slk. *cakompak*, *cakumpak*, maď. *cakompak(k)*, *cakumpak(k)*, *cakkpakk* jsou z nhn. (mit) *Sack und Pack* 'se vším všudy', doslova 's pytle a balíkem'. Původní význam je 's plnou vojenskou výstrojí' (Lumtzer–Melich 1900: 76). Dříve se vařila v našich zemích polévka pod názvem č. *sakumpak*, slk. *cakompak*, maď. *cakumpakk* zprav. ze zelenin (fazolí, brambor aj.), masa a těstovin. Č. *sakumpak* obsahoval hlavně hodně zeleniny, česnek, brambory a jíšku. „Co kdo měl na zahrádce, to tam dal” vzpomíná Anna Hamplová, narozená v roce 1939 na Hrčavě (Bojková 2007: 33). Slk. *cakompak* je „šurianska fazuľová polievka s cestovinou, ale aj kyslá zemiaková polievka s fliačkami zo žilinskej oblasti” (Smatana 1992: 211). Známý maďarský spisovatel Mór Jókai píše v roce 1886: „Azután lesz ,cakumpakk’ (ebben van paszuly, burgonya, rizs, káposzta,

¹² K tomu srov. č. *veka*, slk. zast. *vekňa*, zast. *vekla* a maď. *vekní* 'podlouhlý chleba' < něm. *Wecke(n)*. České slovo je spisovné, zatím co se maďarského výrazu užívá v obecně maďarském substandardu. Slovenská slova jsou archaická (Tölgyesi 2009c: 146).

közbevegyített bőrös peccsenyedarabokkal, feleresztve rántáslével, paprika a tetejébe)”¹³ (Jókai 2006: 153). Novější expr. obměny slova *sakumpak* jsou *sakumpráš*, *sakumpikum*, *sakumprdum* (Rejzek 2001: 560).

Maď. *srapnel*, č. a slk. *šrapnel* je přes nhn. *Schrapnell* z angl. *shrapnel* ‘dělová střela, která se před dopadem roztrhne’ podle vynálezce, anglického generála Henryho Shrapnela (1761–1842).

Maď. *stáb*, č. a slk. *štáb* ‘sbor vyššího vojenského velitele’, ‘skupina spolupracovníků’ je z nhn. *Stab*. Dnes se to používá často ve slovním spojení č. *televizní štáb*, slk. *televízny štáb*, maď. *televíziós stáb*.

Maď. zast. *úrláb*, zast. *urlaub*, č. a slk. zast. *urláb*, zast. *urlaub* ‘dovolená, zprav. vojenská’ jsou z nhn. *Urlaub* ‘dovolená’ (Tótfalusi 2005: 937). Karel Titz (1934: 13) ve své studii uvádí tvar *odláb* jako slovo v posledních desetiletích 19. století ještě fungující. Variantu *orláb* mám doloženou ze svého prvního terénního sociolingvistického výzkumu konaného v roce 2004 na Moravě. Vladimíra Šimíková z Kyjova narozená v roce 1929 řekla „vojáci jedou na *orláb*” (Tölgyesi 2005: 49).

německý	český	slovenský	maďarský
Abschied	obšíd, obšít, obšit	obšit	obsit
Baracke	barák	barák, barak	barakk
Bataillon	batalion, bataliόν, pataliόν	bataliόν	bataliόν, bataillon
Bunker	bunkr	bunker	bunker
exerzieren	execírovat	execírovať	egze(r)círoztat
Feldscher	felčar	felčiar	felcser
Flinte	flinta	flinta	flinta
Front	front, fronta	front	front
Grenadiermarsch	grenadírmarš	granadírmarš	grenadírmars
Habtacht(stellung)	hapták	hapták	hapták
Kader	kádr	káder	káder
Kantine	kantýna	kantína	kantin
Korporal	kaprál	kaprál	káplár
Kaserne	kasárny, kasárna	kasáreň	kaszárnya
Kommando	komando	komando	kommandó
Kompanie	kompanie, kumpanie	kompánia	kompánia
Lager	lágr	láger	láger
Leutnant	lajtnant	lajtnant	lajtnant
Löhnung	lénunk	lénung	lénung

¹³ Potom bude ‚cakumpak‘ (jsou v tom fazole, brambory, rýže, zelí, kousky pečene s kůží, jízka a ke všemu ještě paprika).

Mannschaft	mančaft, manšaft	mančaft	mancsaft, mansaft
Manöver	manévr	manéver	manöver
Marsch, marsch	marš	marš	mars
marschieren	mašírovat	mašírovať	masíroz
Montur	mundúr	mundúr	mundér
Oberst	obrst, obršt	oberst	óbester
Offensive	ofenzíva, ofenzíva	ofenzíva	offenzíva
Offizier	oficír	oficier	oficér
Ordonnanz	ordonanc	ordonanc	ordonánc
Patrone	patrona	patrón	patron
Post(en)	post	post	poszt
Pritsche	pryčna	priča	priccs
Rang	rank, rang	rang	rang
Rapport	raport	raport	rap(p)ort
Rekrut	rekrut	regrút	regruta
rekrutieren	rekrutovat	rekrutovať	rekrutál
(mit) Sack und Pack	sakumpak	cakompak, cakumpak	cakompak(k), cakumpak(k), cackpakk
Schrapnell	šrapnel	šrapnel	srapnel
Stab	štáb	štáb	stáb
Urlaub	urláb, urlaub	urláb, urlaub	úrláb, urlaub

Po 1. světové válce s rozpadem habsburské monarchie vznikly samostatné armády v Rakousku, Československu a Maďarsku. Tím, že se čeština a slovenština staly oficiálními jazyky československého vojska, stejně jako maďarština vojska maďarského, vymizela ze slovní zásoby těchto jazyků většina německých výrazů označujících různé vojenské hodnosti, jako např. č., slk. a maď. zast. *lajtnant*; č. zast. *obrst*, zast. *obršt*, slk. zast. *oberst*, maď. zast. *óbester*. Některá slova mají naopak kvůli dnešní situaci světové politiky vysokou frekvenci v médiích, např. č. *ofenzíva*, *ofenzíva*, slk. *ofenzíva*, maď. *offenzíva*. Jiné výrazy týkající se původně výlučně vojenského života jsou dnes užívány v různých kontextech běžně mluvených monologických a dialogických projevů povahy nevojenské, např. výše uváděné č. *rekrutovat (se)*, slk. *rekrutovať (sa)*, maď. *rekrutál*; maď. *stáb*, č. a slk. *štáb*.

Věřím, že základem pro mírové soužití středoevropských národů je dobrá znalost a správná interpretace našich společných dějin. Za tímto účelem je nutno zkoumat vedle vzájemných historických a literárních vztahů i vztahy jazykové, což považuji za svůj hlavní badatelský záměr.

LITERATURA

- Bakos, F. 2005, *Idegen szavak és kifejezések szótára*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2. přeprac. vydání.
- Bělič, J. 1969, Poznámky o postavení německých přejatých slov v dnešní češtině. In: Krauss, W. – Stieber, Z. – Bělič, J. – Borkovskij, V. I. (red.), *Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur: Hans Holm Bielfeldt zum 60. Geburtstag*. Berlin: Akademie-Verlag, 7–18.
- Benkő, L. (red.) 1976, *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára III*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Bojková, M. 2007, *Lidová strava na Těšínsku*. Diplomová práce (rkp.). Brno: FF MU.
- Felszeghy, E. 1938, *A császári és királyi hadsereg nyelve Magyarországon*. Budapest: Dunántúl Pécsi Egyetemi Könyvkiadó és Nyomda.
- Filipec, J. – Daneš, F. (red.) 2005, *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha: Academia.
- Gašparíková, Ž. – Kamiš, A. (red.) 1986, *Slovensko-český slovník*. Praha: SPN.
- Horváth, M. 1978, *Német elemek a 17. század magyar nyelvében*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Jókai, M. 2006, *Életemből*. Szentendre: Mercator Stúdió.
- Kis, T. 2008, *A magyar katonai szleng szótára*. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó.
- Kluge, F. 2002, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Kraus, J. (red.) 2006, *Nový akademický slovník cizích slov*. Praha: Academia.
- Lumtzer, V. – Melich, J. 1900, *Deutsche Ortsnamen und Lehnwörter des ungarischen Sprachschatzes*. Innsbruck: Verlag der Wagner'schen Universitäts-Buchhandlung.
- Machek, V. 1971, *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Academia.
- Mayer, A. 1927, *Die deutschen Lehnwörter im Tschechischen: Forschungen zur Sudeten-deutschen Heimatkunde*. Reichenberg: Verlag Gebrüder Stiepel.
- Melich, J. 1895, *Német vendégszók*. Budapest: Horánszky Viktor Könyvnyomdája.
- Mollay, K. 1982, *Német–magyar nyelvi érintkezések a XVI. század végéig*. Nyelvészeti tanulmányok 23. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Nekvapil, J. 1979, K dnešnímu stavu vojenského slangu. *Naše řeč* 62, č. 3, 130–141.
- Newerkla, S. M. 2004, *Sprachkontakte Deutsch – Tschechisch – Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: Historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen*. Schriften über Sprachen und Texte 7. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag.
- Petráčková, V. – Kraus, J. (red.) 2000, *Akademický slovník cizích slov A–Ž*. Praha: Academia.
- Rejzek, J. 2001, *Český etymologický slovník*. Praha: Leda.
- Skála, E. 1968, Deutsche Lehnwörter in der heutigen tschechischen Umgangssprache. In: Havránek, B. – Fischer, R. (red.), *Deutsch-tschechische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur: Aufsätze und Studien II*. Berlin: Akademie-Verlag, 127–141.
- Smatana, M. 1992, Polievka naša každodenná alebo o niektorých názvoch polievok v slovenských nárečiach. *Kultúra slova* 26, č. 7, 209–212.

- Titz, K. 1934, *O vojenské češtině v 19. století*. Praha: Památník osvobození. (= Vojensko-historický sborník 2, sv. 2.)
- Tölgyesi, T. 2005, *Německé výrazy v soudobém českém tisku*. Diplomová práce (rkp.). Piliscsaba: PPKE BTK.
- Tölgyesi, T. 2007, Német katonai terminológia a cseh, a szlovák és a magyar nyelvben. In: *Tavaszi Szél Konferencia 2007*. Budapest: Doktoranduszok Országos Szövetsége, 175–179.
- Tölgyesi, T. 2008a, Lexikální germanismy v dnešní mluvené češtině na základě dat z korpusu ORAL2006. In: Kopřivová, M. – Waclawíčová, M. (red.), *Čeština v mluveném korpusu*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 243–248.
- Tölgyesi, T. 2008b, Ke vztahu mezi hláskovou podobou a citovou zabarveností lexikálních germanismů v češtině. In: Polách, V. P. (red.), *Jazyková interakce a jazykové rozhraní a strategie „cutting-edge“*. Olomouc: Univerzita Palackého, 259–262.
- Tölgyesi, T. 2009a, *Lexikální germanismy v dnešní češtině: Studie kontaktovělingvistická*. Disertační práce. Piliscsaba: PPKE BTK. Dostupné z webové stránky Széchenyiho národní knihovny v Budapešti: <<http://mek.oszk.hu/08400/08488/#>>
- Tölgyesi, T. 2009b, Vojenské výrazy přejaté z němčiny v českém, slovenském a maďarském jazyce. In: Ondrejovič, S. (red.), *Varia XVI*. Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV, 500–506.
- Tölgyesi, T. 2009c, Středoevropská kuchyně jako zrcadlo kontaktů interkulturních. *Bohemia Olomucensia* 1, č. 3, 145–150.
- Tölgyesi, T. 2011, Lexikální germanismy v původní české verzi Haškova románu *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války* a jejich ekvivalenty v německém a maďarském překladu na základě InterCorpu. In: Čermák, F. (red.), *Korpusová lingvistika Praha 2011, 1. InterCorp*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny – Ústav Českého národního korpusu FF UK, 29–44. (= Studie z korpusové lingvistiky, sv. 14.)
- Tótfalusi, I. 2005, *Idegenszó-tár*. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- Zaicz, G. (red.) 2006, *Etimológiai szótár: Magyar szavak és toldalékok eredete*. Budapest: Tinta Könyvkiadó.

РЕЦЕНЗИЈА

LATINSKO-HRVATSKO-NJEMAČKO-MAĐARSKI RJEČNIK ANDRIJE JAMBREŠIĆA

Andrija Jambrešić rodio se u Cesargradu 1706. g., a preminuo je u Varaždinu 1758. g. Bio je hrvatski isusovac, leksikograf, jezikoslovac i pisac. Njegova djela su značajni spomenici hrvatskog kulturnog nasljeđa iz XVIII. st. Latinsko-hrvatsko-njemačko-mađarski rječnik Andrije Jambrešića (i Franje Sušnika) značajan je pothvat, kako u hrvatskoj, tako i u mađarskoj leksikografiji.

Puni naslov rječnika glasi: *Lexicon Latinum interpretatione Illyrica, Germanica et Hungarica locuples: in usum potissimum studiosae juventutis*. Digestum ab Andrea Jambressich, Societatis Jesu sacerdote, Croata Zagoriensi – u prijevodu: *Latinski rječnik s obilatim tumačenjem na ilirskom, njemačkom i mađarskom ponajviše: za uporabu učevnoj mladeži*, koji je priredio Andrija Jambrešić, svećenik Družbe Isusove, Hrvat Zagorac (Zagrabiae: Typis Academicis Societatis Jesu, per Adalberrum Wilhelm Wesseli, Anno 1742). To je latinski rječnik, pa su u originalnom izdanju *Predgovor* i sva objašnjenja, te naravno i naslov pisani na latinskom jeziku.

Iako je izdan još polovicom XVIII. st., on nije prvi višejezični rječnik u Hrvata. Prethodio mu je petojezični rječnik Fausta Vrančića s kraja XVI. st.¹ i rječnik Jakova Mikalje (koji je također bio pripadnik isusovačkog reda) tiskan u XVII. st.²

1992. g., povodom 250 godina od objavljivanja Jambrešićevog *Leksikona* (v. Literaturu skraćeno *LexLat*), u Zagrebu je izdano njegovo fototipsko izdanje čiji je *Dodatak* uredio Antun Šojat (1160 + LXXIV str.). Kako u svojoj *Napomeni Leksikonu* ističe A. Šojat, ovo djelo, pa prema tome i jezička rješenja koja Jambrešić daje u svome *Predgovoru* rječniku, svakako veoma je vrijedan spomenik hrvatske kulturne baštine i posebno je značajan za znanstvena istraživanja hrvatske leksikografije i povijesne dijalektologije (Šojat 1992b: LXXIV). A. Šojat u svom prikazu *Leksikona* piše: “Značenja su veoma točno definirana, obrada mnogih natuknica upravo je enciklopedijska, tekst je pisan veoma stručno, na zavidnoj

---

¹ Vrančić, F. *Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum: Latinae, Italicae, Germanicae, Dalmaticae et Ungaricae*. Venecija: apud Nicolaum Morettum, 1595 (preisak Zagreb: Liber, 1971; Zagreb: Novi Liber, 1992).

² Mikalja, J. *Blago jezika slovinskoga ili Slovník ů Komu izgovarajuse rjeci slovinske Latinski, i Diacki: Thesaurus linguae Illyricae sive Dictionarium Illyricum. In quo verba Illyrica Italicè, et Latinè redduntur*. Loreto: apud Paulum et Io. Baptistam Seraphinum, 1649.

leksikografskoj razini svojega vremena. U tom je rječniku bogato zastupljena i onomastička građa, a ima u njemu i etimoloških podataka" (Šojat 1992a: IV). A. Šojat o značaju *Leksikona* piše i sljedeće: "U skladu dakle s težnjama mnogih starih hrvatskih pisaca, pa i kajkavskih, za postupnim postizanjem jedinstva hrvatskoga književnog jezika – i autori *Leksikona* unijeli su u svoj rječnik mnoge nekajkavske riječi ili nekajkavske glasovne, sporadično i obličke osobine, ravno-pravno s kajkavskima, bez ikakvih upozoravanja na njihovo podrijetlo. / Po svojoj koncepciji i obradi *Lexicon latinum* odraz je europskoga leksikografskog napretka u 18. stoljeću i po tim svojim komponentama ide u red ponajboljih rječnika starije hrvatske leksikografije. Po uočavanju problema razdvojenog naroda i njegove dijalektne i književnojezične disperzije, i po nastojanju da se ti problemi olakšaju makar i djelomičnim unošenjem nekajkavskih riječi i njihovih specifičnih, nekajkavskih oblika – taj je rječnik i jedan od preteča nacionalnih ideja u 19. stoljeću" (isto, XXIV).

A. Jambrešić napisao je opsežan *Predgovor* na latinskome jeziku – *Praefatio et Declaratio Operis* – u kojemu u nekoliko tekstova detaljno daje objašnjenje djelu (*Nomina herbarum usitatorum; De modo numerandi dies mensium, per nonas, idus et calendas; Tabula numeri i Orthographia*) (isto, XII). U objašnjenju djela u kojem odmah na početku piše da je rad na *Leksikonu* započeo Franjo Sušnik, čiji je rad trajao do 1739. g. Poslije smrti F. Sušnika rad na *Leksikonu* nastavlja A. Jambrešić, o čemu i sam piše u *Predgovoru Leksikona*: "prionuvši odmah uz posao, primijetih da mnogo toga korisnoga nedostaje, nemalo je toga suvišno, a većinu, uz velik gubitak vremena, treba izgladiti. Dakle, stupam na put kudikamo različit od prijašnjega, mučno gradim novo djelo" (Jambrešić 1992: LVII). Iz ovih Jambrešićevih riječi vidimo da on preuzima od F. Sušnika pripremljenu građu, ali ne gotovu za čitav rječnik. Uzima iz nje, kako sam kaže, ono što misli da je korisno, nešto prerađuje i dalje samostalno nastavlja rad. Međutim, postoje razna mišljenja hrvatskih jezikoslovaca o autorstvu *Leksikona*, npr. da je Jambrešić bio samo Sušnikov pomagač, no iz prethodno navedenih Jambrešićevih riječi u *Predgovoru* djelu jasno je da je rad na rječniku započeo F. Sušnik, a ostali dio rada na rječniku obavio A. Jambrešić. Ovakvo stanovište zastupa i A. Šojat u svom objašnjenju *Leksikona*, u kojem između ostaloga piše: "I po riječima Jambrešićevim u njegovu *Predgovoru* tom rječniku i po znanstvenim istraživanjima nastanka *Leksikona*, uvjerljiva je tvrdnja da je taj rječnik započeo, u određenoj mjeri obradio (možda i cijeli svoj rječnik, u svojoj verziji) i pripremio za tisak nekoliko početnih slova Franjo Sušnik. [...] / U pripremi teksta za tisak Sušniku je pomagao Jambrešić, a konačni svoj lik *Lexicon latinum* svakako zahvaljuje Jambrešićevim zahvatima u metodu obrade, ispravcima i dopunama do tada napisanoga Sušnikova teksta, unošenja i obradi novih natuknica" (Šojat 1992a: V).

U svome *Predgovoru* Jambrešić objašnjava djelo u osamnaest točaka. Između ostalog daje objašnjenje: da je unio sinonime kako bi čitatelj imao "priklad-

niju obimnost riječi” (Jambrešić 1992: LVII), zatim kako je na odgovarajućim mjestima unosio odgovarajuće fraze navodeći i njihove autore. Kaže da one latinske riječi, koje nije potvrdio ničijim autoritetom (isto, LVIII), treba smatrati barbarizmima. Upućuje čitatelja na to da je barbarizme označio križićem, a grčke riječi zvjezdicom. Dalje, upućuje čitatelja na kratice (*Obsol. Inus. Antiq.*) kojima je obilježio zastarjele riječi koje nisu više u uporabi. Glede unošenja glagola u rječnik, piše kako im je dodao oblike za prošlo vrijeme i supin, a glede imenica, njima je dodao rodove i deklinaciju. Zatim ističe kako je rad na *Leksikonu* poduzeo najviše zbog “Ilira i Mađžara” (isto, LVIII) i kako je zbog njih unio imena krajeva i gradova uz njihov kratki opis. Također govori i o ciljnoj grupi čitatelja za koju je sastavio ovaj *Leksikon*, jer je riječi u njemu koje se češće rabe preveo, ne samo na **ilirski**, već i na **njemački** i **mađarski**, kako bi onima koji uče te jezike bilo lakše pri učenju. Govori i o prosvjetiteljskoj namjeni rječnika, jer iznosi da je pri kraju djela dao ilirski, njemački i mađarski pravopis, u cilju ne samo lakšeg čitanja rječnika, već i kao pomagalo onima koji uče njemački i mađarski jezik. Vrlo je zanimljivo to, što iako se radi o kajkavskom narječju, Jambrešić upućuje čitatelja na varijante sa vokalima *a/e* (kod Ilira) u posljednjem slogu, npr.: *Mladenecz/Mladenacz, Verhovecz/Varhovacz*, na varijante sa samoglasnicima *eli/ie*, odnosno, na reflekske jata i daje primjere: *Vera/Vira/Viera*, i na varijante sa *-l/-o* kod završetaka imenica u Nsg ili u glagolskom pridjevu radnom, npr.: *pořzal/pořzao, iřřal/iřřao* (isto, LVIII–LIX).

Zatim Jambrešić upućuje čitaocima i na glavna razdoblja latinske književnosti: zlatno, srebrno, mjedeno i željezno i neodređena doba, i kasnije nabroja pisce po tim razdobljima.

Dalje u *Predgovoru* Jambrešić objašnjava i način brojanja dana u mjesecima, po Nonama, Idama i Kalendama.

U *Predgovoru Leksikona* zatim slijedi poglavlje pod naslovom: *Pravopis ili ispravan način pisanja hrvatskoga (općom riječju ilirskoga ili slovinskoga)* (isto, LXII). O slovima piše sljedeće: “Hrvati [...] služe se s dvadeset i tri slova, koja su – poznavajući već odavna jezik Lacija – preuzeli od latinskih i nadomjestili ih svojim vlastitima” (isto, LXII). U nastavku daje pregled slova – prvo ćirilčna (koja on naziva glagoljskim), njihova imena i brojnu vrijednost, a zatim latinična slova.

U djelu *Predgovora* pod naslovom: *O promatranju samoglasnika* autor razmatra svaki samoglasnik pojedinačno, a u uvodu o samoglasnicima piše: “Postojani su: *a, e, o*, nepostojani: *i i u*. Postojani su zato što uvijek zadržavaju snagu i svoj ton, nepostojani zbog toga što snagu i svoj ton ne zadržavaju uvijek, nego kadšto prelaze u suglasnike i proizvode ton drukčiji nego su ga prije imali” (isto, LXIV). Za nepostojano *u* daje sljedeće primjere: *Vodim Vodopiu k-vodi* (isto, LXV), smatrajući da u ovim riječima suglasnik *v* potiče od samoglasnika *u* (ali ga njime ne treba pisati), zatim: *Vláchim, vdíram, vléchem* (isto, LXV), u kojima je

zaista samoglasnik *u* na početku riječi prešao u suglasnik *v* i primjere u rečenici (ali ga također ne treba pisati, već *v*): *Iz Diakov lenyákov, y bedakov ziákov, gde je bil chlovek kakov* (isto, LXV) za koje smatra da je suglasnik *v* na kraju riječi postao od samoglasnika *u* (ali ga ne treba pisati ni u ovoj poziciji, već također suglasnik *v*). Jambrešić razlikuje grafeme za samoglasnik *i* – *i* i *y*. Za ovaj drugi kaže da se pretežno rabi u funkciji veznika (isto, LXV–LXVI).

Jambrešić raspravlja i o akcentima. On ih naziva tonovima suglasnika i o njima kaže: “Kao u Židova, tako i u Hrvata, neki su samoglasnici sad više otvorenoga i sniženoga tona, sad manje otvoreni i više povišeni” (isto, LXIV). U djelu *Predgovora* svojemu rječniku, naslovljenom *O prirodi naglasaka*, Jambrešić govori o tri naglasaka, a to su: akut, gravis i cirkumfleks. Opisuje ih na sljedeći način: “*akut*, ili od desna na lijevo povučen, koji po svojoj prirodi onaj samoglasnik kojemu se pridijeva uvijek uzdiže i produžuje; samo u prethodnima, a nikada na posljednjem slogu, on je posebice potreban kod istozvučnih riječi, npr. *péfzek* “pijesak” i *pefzek* “psić” [...]. *Gravis*, povučen od lijeva na desno, koji uvijek traži posljednji slog, a nikada pretposljednji ili druge prethodne, samo produžuje samoglasnik [...]. *Cirkumfleks*, sastavljen od akuta i gravisa, rado obavlja dvostruku službu: 1. Stavlja se iznad svih riječi stegnutih sinkopom, npr. *kí* za *koí*, *ák* za *ako* itd.; 2. *Naglasak cirkumfleks stavlja se na slova V i Z* sinkopirana, ili *V* iz *vu* i *Z* iz *iz* od otrgnuta prijedloga, npr. *ž-vina* za *iz vina* “iz vina”” (isto, LXVI).

Prije no što prelazi na prikaz pravopisa suglasnika, Jambrešić govori o hakovima, koje on preuzima iz grčkog pravopisa, a koji se odnose na jačinu tona izgovora suglasnika, što podrazumjeva jedan oštri i jedan tihi hak. On konstatira da u hrvatskom glasovnom sustavu ne postoji potreba za njima. Međutim, po njegovu mišljenju u hrvatskome jeziku postoji suglasnik *s* sa tihim ili blagim izgovorom i suglasnik *s* sa oštrim tonom (isto, LXVI–LXVII). U djelu *Predgovora* pod naslovom *O suglasnicima* (*O slovu s*) autor za obilježavanje blagoga i oštrog tona suglasnika *s* daje sljedeća pravopisna rješenja: “*Prvi* je: Kad je slovo *S* oštra ili gusta tona, tada nad slovo *S* treba staviti oštri hak [...], npr. *s'ántav* [...]. / [...] oštri hak treba stavljati samo na početku prvog sloga, a u drugim slogovima kad je ton slova *S* oštar, treba pisati dvostruko *S* ili *ff*, [...] *Palaf*” (isto, LXIX). Drugi način obilježavanja oštrog tona suglasnika *s* Jambrešić preuzima od J. Habelića³ i P. Rittera⁴ po kojemu: “Slovo *S*, imajući oštri ton, treba da bude udvostručeno, kako na početku tako i u sredini i na kraju, npr. *fofftar*, *ffantav*, *oponoffen*, *ffiffmiß*” (isto, LXIX). On daje i nekoliko rješenja za obilježavanje samoglasnika *s* kada on, po njegovu mišljenju ima blagi ili tihi ton: “slovo *S*, kad je tihoga i bla-

³ Juraj Habelić (1609–1678) bio je također isusovac i značajan je hrvatski književnik i jezikoslovac.

⁴ Pavao Ritter Vitezović (1652–1713), hrvatski povjesničar, pisac, jezikoslovac i nakladnik.

goga tona, može biti označeno tihim hakom, koji nastaje od naopakoga slova C, npr. *ɔ*, u primjeru: *s'aba, s'alez* [...]. Ima kod Dalmatinaca i Bosanaca i drugi način pisanja slova S, kad je tihoga tona, naime nadomještajući slovo S slovom X, npr. umjesto *fena-xena* [...]. / A koliko se god neki slog izgovara na način sibilacije i vrlo tiho, toliko se slovu S mora dodati slovo Z, npr. *fzito, fzràm, fzlobodno* [...]. [...] pred slovima *k, p, t* može pisati samo slovo Z zato što ono postavljeno pred naprijed spomenuta slova, ima isti zvuk kao *fz*, npr. *zkvariti, zpomenuti, ztanuvati*" (isto, LXIX).

Jambrešić u svome *Predgovoru* rječniku vrlo detaljno prikazuje pravopis suglasnika, pri čemu sam daje neka, po njegovu mišljenju, odgovarajuća rješenja za obilježavanje pojedinih glasova koja se razlikuju od latinskoga pravopisa, a kako bi bilo jasno o kojemu je suglasniku riječ daje i ilirsko, odnosno ćirilično slovo za dani suglasnik. Prema pravopisu koji on daje u objašnjenju za čitanje *Leksikona*, npr. suglasnik *c* se ispred samoglasnika *a, o, u* označava sa *cz*, a ispred *e* i *i* samo sa *c*. Za suglasnik *č* kaže da je to slovo *c* koje se izgovara tvrdim tonom i da se prema najstarijem hrvatskom pravopisu obilježava sa *ch* (*chlovek*), a prema novome pravopisu kod nekih pisaca sa *cs* (isto, LXVII). Suglasnik *đ* obilježava sa *gy*. Ovaj grafijski sustav koji predlaže Jambrešić razlikuje se od grafijskoga sustava kojim su se koristili kajkavski pisci XVIII. st. Jambrešićeva pravopisna pravila su pokušaj kako bi se poboljšala kajkavska grafija (Šojat 1992a: XIX).

Za one čitatelje koji žele učiti njemački jezik, Jambrešić na kraju svoga objašnjenja za čitanje *Leksikona* ukratko daje nekoliko pravila iz njemačkoga pravopisa, odnosno, kako ovaj dio naziva Vladoje Dukat (1905: 208): "mali naputak za pravilno izgovaranje njemačkih riječi".

Iako su mnoga Jambrešićeva hrvatska pravopisna pravila, poimanje hrvatskoga glasovnoga sustava i terminologija koju rabi neprihvatljiva za suvremene spoznaje o hrvatskome jeziku i aktualni hrvatski pravopis, ovaj Jambrešićev *Predgovor* djelu, odnosno objašnjenje za čitanje djela vrlo je zanimljiv za povijest hrvatskoga jezika i pravopisa.

V. Dukat uspoređuje Jambrešićev i Belostenčev rječnik,⁵ koji su objavljeni u gotovo isto vrijeme, pri čemu zamjećuje da je Belostenčev rječnik opširniji i potpuniji. No u vezi sa tim, on ipak ističe: "Sa svijem time, što je Belostenec obilatiji, ipak nam Jambrešić, ako ih usporedimo sa stajališta latinske filologije, pokazuje znatan napredak u hrvatskoj leksikografiji. Belostenec [...] umeće u rječnik [...] sve latinske riječi, što ih znade i što mu dolaze pod ruku. Jambrešić naprotiv u glavnom pomnjivo bira svoju građu te izbacuje nepotrebne oblike, zališne tuđice (grčke), pa sumnjive i varvarske riječi; ako već koju mora primiti,

⁵ Ivan Belostenec (1594–1675), *Gazophylacium seu latino-illyricorum onomatum aerarium*. Zagrabiae: Typis Joannis Baptista Weitz, Inclyti Regni Croatiae Typographi, 1740.

onda je označuje posebnijem znakom” (Dukat 1905: 216). V. Dukat ne poriče da je Jambrešić upotrijebio Belostenčev rječnik u izradi svoga, ali po njegovu mišljenju “vrlo malo” (isto, 219). On također uspoređuje Jambrešićev rječnik sa Habledelićevim rječnikom, koji je izašao mnogo prije – 1670. g. O ovome on konstatira: “Između Habledićeva i Jambrešićeva rječnika ima toliko razlike, da je teško pomišljati, e bi stariji leksikograf imao uopće kakova dijela u rječniku od god. 1742. [...] Ne osvrćući se na to, da je Habledić u svoj rječnik metao samo kajkavske (“szlovenszke”) riječi, a Jambrešić još od čakavske i štokavske, valja u prvom redu istaći, da se i kajkavske riječi obaju pisaca često ne slažu, pa da Jambrešić kadšto tumači latinsku riječ drukčije nego Habledić; k tome ima Jambrešić mnogo riječi (dašto kajkavskih), kojijeh Habledić ne poznaje. Za riječ “abavus”, na pr., veli Habledić da je hrvatski “preded”; Jambrešić tumači: prededov otec, dedov ali babin ded, dedek vu chetertom kolenu. [...] Habledić uopće ne poznaje: odgonitel, odganyavec (abactor), odtiravka (abatrix), odgon, odgnanye, odganyanye (abactus), potugyeny ([...] (abalienatio), [...] falenye, fulyanye (aberratio) [...]. Jambrešić je bolji znalac jezika, pa je i smioniji u kovanju riječi; kad nema u hrvatskom jeziku za koji pojam riječi, Jambrešić je kuje, dok Habledić pojam opisuje [...] *aequinoctium* = H.: *szuncze* gdaje jednaka noch z dnevom, J.: *jednakofzt* dufine dneva y nochi; [...] *gubernator* = H.: *ki* ladju rauna, J.: *ladjo-ravnitel*; *mentor* = H.: *ki* meri, J.: *merecz*, *mernik*, *meritel*” (isto, 221–222). V. Dukat uspoređuje Jambrešićev rječnik sa još jednim rječnikom – italijansko-latinsko-ilirskim rječnikom *Ardellia della Belle*, koji je objavljen 1728. g., i zamjećuje da su sličnosti između ova dva rječnika vrlo neznatne (isto, 226). On spominje još dva starija rječnika: Mikaljin hrvatsko-latinski rječnik izdan 1649. g. i Vrančićev rječnik, izdan 1595. g., za koje također kaže da je njihova sličnost sa Jambrešićevim rječnikom u jezičnoj građi minimalna (isto, 228–229). Na kraju svoga rada o Jambrešićevu rječniku V. Dukat zaključuje da je “u hrvatskom dijelu, izrađen sasvim samostalno” (isto, 234) i da je “ako ga prosudimo sa stajališta latinske leksikografije, svakako najbolji od naših starijih rječnika” (isto, 234).

A. Šojat je u svom prikazu *Leksikona* detaljno pisao o njegovoj građi i iznosi vrijednosti Jambrešićevoga rječnika: “U svojem osnovnom dijelu, četverojezičnom rječniku sa latinskim natuknicama, *Leksikon* donosi izvanredno bogat fond latinskih riječi [...]. / U tom izboru latinskih natuknica osobitu vrijednost za nas ima velik broj zemljopisnih imena i etnika, uz koje je često dan veoma opširan, moglo bi se reći enciklopedijski opis država, zemalja, pokrajina, gradova, rijeka, narodâ. [...] / [...] U obradi većih geografskih jedinica, pa i gradova, česti su i povijesni osvrti (usp. na primjer natuknice *Croatia*, *Dalmatia*, *Zagrabia*), pa i s navođenjem povijesne literature [...]. / Uz latinske se natuknice donose relevantni podaci o paradigmatičkim imenicama i glagolima, podaci o obliku ženskoga i srednjeg roda pridjevnih riječi, kratice koje označuju vrste riječi i pojedine oblike, kao što su *Adv.*, *Praep.*, *Pron.*, *Inf.* [...]. / Velika je vrijednost rječnika u detaljnoj razradi

uporabe i značenja latinskih natuknica u različitim njihovim svezama s durgim riječima. [...] / Nakon prijevoda osnovnog značenja natuknice [...] donose se i druga njezina značenja u sintagmama, također s naznakom njihova književnog izvora i s prijevodom na tri jezika [...]. Unutar potpodjele po rednim brojevima nalazimo još hrvatskih ekvivalenata [...]. / [...] ima i mnogo skromnije obrađenih natuknica, već po onom što pojedina riječ nudi, [...] pa i relativno opsežno obrađenih natuknica, ali bez izravnih prijevoda, u kojih se do značenja natuknice mora doći tek preko sinonima na koje se upućuje [...]. / [...] hrvatski je prijevod izvanredno bogat ekvivalentima za pojedina značenja, obiluje i svezama kajkavskih riječi kad za tumačenje latinskih pojmova nije dovoljna jedna riječ, kad u kajkavskom književnom jeziku nema za njih istoznačnica ili kada to nameće prijevod latinskih sintagma, frazema, fraza i rečenica. Značenja su prevedena veoma točno, protumačena ponajčešće riječima običnim, svakodnevnim, ujedno i karakterističnim za kajkavski književni jezik toga vremena. / Uz hrvatske ekvivalente latinskih riječi nema oznaka vrsta riječi ni drugih gramatičkih oznaka, nego tek pokoja stilska ([...] *peregr.* 'strano, tuđe' uz neke riječi stranoga podrijetla i riječ *vulgo* 'pučki', neknjiževno'). / Hrvatske se imenice, ako su same ekvivalent latinskog pojma, navode u Nsg, pridjevske riječi u Nsg m. [...]. / Osnovni je glagolski oblik, po latinskom uzoru, 1.1. sg. prez." (Šojat 1992a: XII–XIV). Iz prethodno iznesenog vidi se da je Jambrešić obradom latinskih natuknica u rječniku ostavio vrlo bogatu građu za istraživanja, kako povijesti, tako i dijalektologije hrvatskoga jezika. O hrvatskom prijevodu V. Dukata iznosi svoje zapažanje: "Hrvatska su tumačenja uopće opsežna i točna. Neke riječi tumači Jambrešić jako natanko, kao da mu je rječnik kakov konverzacioni leksikon [...]. Kod nekijeh pak riječi ima neobično mnogo hrvatskijeh značenja; riječ "receptaculum", na pr., ima ih deset: (Prijemalifche, Primalifche, Nafztanifche, Zkrivalifche, Utechifche, Uteklifche, Zavetje, Zavetifche; Vfzako mefzto y dugovanye, vu kojemfze kaj zadersáva" (Dukat 1905: 209–210).

A. Šojat se u raspravi o građi rječnika osvrće i na njegove nedostatke i navodi naivnu etimologiju (što zamjećuje i V. Dukat (1905: 213)), netočan prijevod, sporadično nizanje latinskih riječi pod jednom natuknicom, a ne po abecednom nizu (Šojat 1992a: XIV). O tim nedostacima Šojat piše: "Nedostaci su ponajčešće uvjetovani vremenom u kojem su nastali – svjetonazorom, dosezima znanja, načinom razmišljanja, metodom pisanja leksikografskih djela i sl." (isto, XIV). O nedostacima rječnika V. Dukat (1905: 214) zamjećuje: "ipak ima amo tamo nedostataka, koji dokazuju, da rječnik nije djelo jednoga čovjeka, pa da je u prekratko vrijeme i na brzu ruku izrađen. Mnoge su riječi u njemu zališne". (Ovde je Dukat mislio na latinske riječi koje tada već nisu bile u uporabi i navodi takve primjere.) Dukat zamjera Jambrešiću da je u rječnik unio "zališne turcizme" u hrvatskom prijevodu i za njih kaže da su nakazni u hrvatskome jeziku (isto, 215).

Kao jednu od mana *Leksikona A.* Šojat navodi i sljedeće: “U hrvatsko-latinskom indeksu zabilježen je tek malen broj hrvatskih riječi koje se pojavljuju u osnovnom dijelu rječnika: prema procjeni koju je dao Musulin 1959, 48, *latinskih* natuknica ima oko 27.000 [...] a u *Indeksu* je oko 7.000 hrvatskih riječi. Već iz toga podatka proizlazi da je *Index illyrico... – latinus* rađen nezavisno od osnovnoga dijela rječnika kakav je tiskan, prije [...] nego što je završen konačni oblik rječnika s latinskim natuknicama” (Šojat 1992a: XIV). Slijedi nekoliko nasumice izabranih primjera od kojih izdajamo sljedeće (isto, XIV):

<i>Lexicon</i>	<i>Index</i>
Acclīnātōrium ... <i>Nafzlōnische</i> , <i>Nafzlanyalische</i>	–
Acclīnātus ... <i>Nafzlonyen</i> , <i>Prifzlonyen...</i>	–
Acclīno ... <i>Prifzlányam</i> , <i>Nafzlányam</i> , <i>nafzloniti</i>	–; <i>Nafzlányam</i> fze. v. Innitor, Incumbo
Accōlā ... <i>Prifzelnik</i> , <i>Blizu fztójechi...</i>	–; <i>Blizu</i> v. <i>Prope</i> .

U nastavku A. Šojat konstatira: “Zaista je šteta što je taj indeks rađen nezavisno od fonda hrvatskih riječi u osnovnom dijelu rječnika. U tom višejezičnom rječniku nalazimo izvanredno bogatstvo hrvatskih riječi, u prvom redu kajkavskih, ali i nekajkavskih, koje su u 18. stoljeću, ponajčešće, bile poznate ne samo kajkavskim leksikografima nego su ih veoma često u svoje tekstove unosili i književnici, a nalazimo ih u raznim dokumentima, inventarima i sl., dakle kao dio uporabnoga leksika i širih slojeva koji su se služili kajkavskim književnim jezikom” (isto, XV). Takve su npr. sljedeće riječi: *jadrenica*, *pretečenje*, *prevjemleće*, *prevzetje*, *prepis*, *muškat grozdje*, *vračarnica*, *likarnica*, *zabramba*, *zajem*, *posudba*, *posugené*, *verovnik*, *posuditel*, *zaufanik*, *poglavarstvo*, *zemlomerec*, *znaće*, *vračena*, *likoznanost*, *vračstvo-znanec*, *liko delavec*, *četverougje*, *dvoj-jezičen* (isto, XVII). U svom prikazu Jambršićeva rječnika u djelu o hrvatskom jeziku u *Leksikonu A.* Šojat ističe da su latinske riječi prevedene u prvom redu tipičnim kajkavskim književnim jezikom, kakav se ustalio u XVII. st. i u vezi sa tim čitamo: “U *Leksikonu*, dakle, nalazimo sve bitne osobine književne kajkavštine, kakva se ostvarivala većim dijelom već u 16. stoljeću i kakva se učvrstila u 17. stoljeću, pa sve do njezina utruća u 19. stoljeću: ujednačivanje veoma različitih fonetsko-fonoloških odlika različitih kajkavskih govora u književnom liku; čuvanje nekih arhaizama, koji su u kajkavskim govorima toga vremena već davno iščezli (kao što su to književnojezične pojave nekih oblika aorista, imperfekta, pojava participia prošlog na -vši ili -v); ostvarivanje nekih fonoloških i morfoloških dubleta [...]; prihvaćanje ponekih nekajkavskih jezičnih elemenata, osobito štokavskih, koji se ravnopravno pojavljuju uz tipične kajkavske (usp. i “stajaće” leksički vezane ika-vizme kao *divojka*, *tirati* i dr.). Taj i takav kajkavski književni jezik karakterizuju

dakle jezične osobine kakve su se ostvarile u kajkavskim urbanim sredinama, u golemoj većini kajkavskih književnih ostvarenja osobine zagrebačkoga gradskoga govora, upravo kajkavštine obrazovanih slojeva. Ta se kajkavština formirala i jezičnim kontaktom s nosiocima drugih hrvatskih narječja i jezičnim utjecajem nekajkavskih književnih djela, a u sintaksi i snažnim utjecajem latinskoga jezika” (isto, XVI). Sudeći prema ovdje iznesenim podacima, mogli bismo reći kako su nastojanja približavanja književnih jezika Hrvata postojala i mnogo prije stvaranja njihovog zajedničkog književnog jezika u drugoj polovini XIX. st. Pored kajkavskih riječi, u rječniku nalazimo također i štokavske i čakavske riječi, odnosno njihov štokavski, odnosno čakavski oblik (isto, XVIII). O prijevodu latinskih riječi hrvatskima V. Dukat u svojem radu pod naslovom *Jambrešićev “Lexicon latinum”* piše: “Jambrešić je kajkavac, pa zato se posvud, gdje govori hrvatski, služi svojijem domaćijem narječjem, no ipak amo tamo u tumačenju latinskih riječi, kad znade za kakovu dobru štokavsku ili čakavsku riječ, ne žapa se metnuti je u svoj rječnik; i on, kao i prethodnik njegov Belostenec, uvjereni su, da su kajkavski, čakavski i štokavski govor dijalekti jednoga istoga jezika” (Dukat 1905: 204). U prilog tomu iznosi i nekoliko primjera: “s. v. arx: *Grad, Tvêrdina, Tvêrdgyava*; s. v. asinus: *Ofzel, Magaracz*; s. v. color: *Licze, Boja, vulgo Farba*; s. v. fanum: *Czirkva, czrikva, czerkva*” (isto, 204).

A. Šojat zatim ističe nešto po čemu je Jambrešićev rječnik vrlo značajan za povijest hrvatskoga jezika, odnosno hrvatsku leksikologiju: “*Leksikon* je veoma bogat novotvorinama, prevedenicama i kovanicama, koje se ponajčešće prvi put pojavljuju u njemu” (Šojat 1992a: XV). To su npr. sljedeće kovanice: *belokostčak*, *kameno-rez*, *kameno-delec*, *ladjo-terje*, *složno-govoritel* (isto, XVII). Unošenje ovakvih kovanica – neologizama u rječnik, pa samim tim i u hrvatski jezik, ukazuje nam na to da je Jambrešić bio purista, jezičar odan svomu jeziku koji traži rješenja unutar mogućnosti koje pruža sam hrvatski jezik. Tome u prilog ide i to da je u svojim purističkim nastojanjima u *Leksikonu* uvrstio ne samo kajkavske, već i riječi iz štokavštine pa i čakavske riječi. Njegov odnos prema turcizmima u hrvatskom jeziku, koje su u svoje rječnike unijeli njegovi prethodnici, također govori u prilog Jambrešićevom purizmu. On u rječniku pomno obilježava strane riječi (u hrvatskomu jeziku) skraćenicama *peregr.* i *vulgo*, pošto su se neke njemačke i mađarske riječi onoga doba već odavno bile ustalile u kajkavskom svakodnevnom govoru (Nyomárkay 1987: 318). Jambrešić ne preporuča uporabu riječi koje su podrijetlom mađarske i koje su se u njegovo vrijeme već uveliko odomaćile u kajkavskim govorima, kao što su, npr.: *eršek*, *eršekija*, *možar* ili *možgar* (Nyomárkay 1992: LII), *komediáfs*, *pila*, *piskota*, *szabol*, *szokach*, *szokachia*, *engedujem*, *hengeduvanye*, *Tanczáß*, *kíßfazonyka*, *kíßfur* (Nyomárkay 1987: 323). Ovakva Jambrešićeva nastojanja za formiranje i očuvanje čistoće materijega jezika vrlo su važna za kasnija djela hrvatskih jezikoslovaca i pisaca. Time ovaj rječnik dobiva još više na značaju, kao jedno od vrlo vrijednih lingvističkih

poduhvata u Hrvata. Jambrešić nije iskazivao svoja puristička nastojanja samo u hrvatskim prijevodima. On je također pomno obilježavao barbarizme i grčke riječi u latinskim natuknicama.

U svome prikazu *Leksikona*, u vezi sa Jambrešićevim postupkom tumačenja latinskih natuknica, A. Šojat piše: "U skladu s postupkom nekih starih hrvatskih leksikografa da u leksikografskom članku donose i poneke stihove, koji, uglavnom na humorističko-satiričan način, ilustriraju pokoje značenje natuknice, nalazimo i u *Leksikonu* takve stihovane ilustracije. U tom rječniku nalazimo takve "pjesmice" uz 34 natuknice. One su ponajčešće uperene protiv grijehâ, manâ, slabosti ljudskih [...]. Te su "pjesmice" bez ikakve poetske vrijednosti. / Uz hrvatske se stihove, ali ne redovito, pojavljuju i njemački i mađarski ili samo njemački" (Šojat 1992a: XV).

O njemačkim i mađarskim prijevodima A. Šojat piše samo toliko da kvaliteta njemačkih i mađarskih prijevoda u *Leksikonu* odražava sve "dobre i loše strane" latinsko-njemačkih i latinsko-mađarskih rječnika onoga doba koji su Jambrešiću i Sušniku bili na raspolaganju i poslužili kao prijedložak (Šojat 1992a: XIV). O prijevodima latinskih riječi V. Dukat (1905: 203) piše: "Jambrešić tumači latinske riječi u tri jezika: hrvatski, njemački i mađarski. Do hrvatskoga mu je tumačenja najviše stalo, zato i jest ono obično najopsežnije; njemačko je obično kraće, mađarsko najkraće. Isp. na pr.: / "Cēnōtaphiūm, ii, n. Lampr. est sepulchrum honoratium, *Prazni lěŷz, Prazna grobnicza, prez trupla, ŷzamo na ochi y ŷzpomenek napravlyena*. Ein leeres Grab das allein zum Schein gemacht ist. *űres koporsó*"."

Glavni izvor za latinske natuknice, Jambrešiću je, po mišljenju V. Dukata, bio Calepinus, izdanje iz 1731. g. (Žepić 1992: XXXI).

Glede obrade njemačkih riječi u rječniku V. Dukat o A. Jambrešiću kaže: "Njemačka tumačenja u rječniku odavaju inače dobra znalca toga jezika" (Dukat 1905: 209). Za njemačke prijevode u rječniku Jambrešić je vjerojatno rabio sljedeće njemačke autore: Frisius, Dasypodius i Cellarius (Žepić 1992: XXXI).

Glede mađarskih izvora Jambrešićeva rječnika, u svom prikazu mađarske građe u Jambrešićevu rječniku, István Nyomárkay (1992: LI) iznosi: "O mađarskoj građi rječnika János Melich tvrdi da ona potječe iz rječnika jednog od najpoznatijih mađarskih leksikografa 17.–18. stoljeća, Ferenc Pápai Páriz: *Dictionarium manuale Latino-Ungaricum et Ungarico-latinum*. [...] usporedba dvaju rječnika pokazuje da je Jambrešić vjerojatno imao i druge mađarske izvore". Na to, po mišljenju I. Nyomárkaya, ukazuju na nekim mjestima detaljnija tumačenja nego u rječniku Pápai Páriz i bogatija latinska građa od one u mađarsko-latinskom rječniku (isto, LIII). Po mišljenju Zoltána Édera (1999: 404) drugi izvor mađarskih prijevoda mogao bi biti latinsko-mađarsko-njemački rječnik Józsefa Mártona iz XVIII. st. Pored toga Z. Éder zamjećuje Jambrešićevo vrlo dobro poznavanje mađarskog jezika, kojim se koristio pri izradi rječnika, jer kako u svome

radu piše: “Jambrešićev postupak svjedoči o tome da je imao dobar osjećaj za mađarski jezik, jer je vrlo vješto birao one elemente iz PP građe koji su se po njegovom nahodenju činili najkorisnijim” (Éder 1999: 406). Jedan od mađarskih izvora, po mišljenju Z. Édera (1999: 412), moglo je upravo biti i Jambrešićevo znanje mađarskog jezika.

Osim prijevoda latinskih natuknica na materinji na njemački jezik, Jambrešić mađarskim prijevodima, mladeži pruža priliku da uče, ne samo latinski i njemački jezik, već i mađarski, koji je u to doba igrao značajnu ulogu na kajkavskom jezičkom prostoru kao jezik društvene sredine. S obzirom na to da su latinske natuknice prevedene na tri jezika, autorova namjera očigledno nije bila da se ovim rječnikom služi samo hrvatska mladež. Rječnikom su se u svojem školovanju mogli koristiti i mladi Mađari, pa i Nijemci (isto, 411–412). Sama činjenica da je ovakav višejezični rječnik tiskan svjedoči o tome da je postojala potreba za takvim rječnikom u ono vrijeme – da je u kulturnom i znanstvenom životu Hrvata i u njihovom obrazovanju onoga doba bilo važno, pored latinskog i maternjeg hrvatskog, znati i njemački i mađarski jezik. To također ukazuje i na to da su Hrvati, koji su u ono doba pripadali obrazovanome sloju, bili poliglote, što je također važno i za izučavanje jezičkih kontakata na hrvatskome jezičkom prostoru.

Z. Éder ističe da Jambrešićev rječnik nije značajan samo za hrvatsku leksikografiju, već da veliku ulogu ima i u mađarskoj leksikografiji, s obzirom na to da se neke mađarske riječi, prvi put pojavljuju upravo u Jambrešićevom rječniku, npr.: *szalonka*, *névkönyv*, *nemzetségi*, *nyelv-bírság*, *nyelv-büntetés*, *öreg templom*, *oltári szentség*, *orr törelő kendő* itd. (isto, 410).

Isusovci su se u doba poslije obračuna s protestantizmom na hrvatskim prostorima u velikoj mjeri i s velikom pažnjom zalagali za školstvo i obrazovanje mladeži. Pripadnici ovoga reda i sami su bili vrlo obrazovani. Jedan od njihovih glavnih zadataka u ono vrijeme bila je i priprema jezičnih udžbenika, prije svega za učenje latinskoga jezika. Tu se podrazumijeva i rad na rječnicima i gramatikama. Jambrešićev *Leksikon* načinjen je u duhu isusovačkog prosvjetiteljstva u namjeri da prije svega služi hrvatskoj mladeži, ali pored toga i obrazovanju onih kojima je materinji jezik mađarski. Ovaj rječnik vrlo je važan i kao lingvistički pot-hvat u vremenu u kojemu je objavljen, te za kasnija lingvistička istraživanja kao svjedok stanja četiri jezika – latinskoga, hrvatskoga, njemačkoga i mađarskoga iz prve polovine XVIII. st. *Leksikon* F. Sušnika i A. Jambrešića jedan je od najznačajnijih spomenika hrvatske leksikografije, međutim, nije od važnosti samo za leksikografska istraživanja u Hrvata, već i u Mađara, te u Nijemaca. Isto tako, pruža vrlo bogatu građu za istraživanja jezičnih kontakata, a u vezi s tim, za istraživanja povijesti i dijalektologije hrvatskoga jezika. Tu prije svega mislim na obradu latinskih natuknica sa primjerima iz kajkavskog nariječja. Ti primjeri, ukoliko se radi o mađarizmima, svjedoče ne samo o tadašnjem stanju jezika, reč i o narčnosti i obimu mađarskoga jezičnoga utjecaja na kajkavski dijalekat, a preko

njega i na hrvatski jezik uopće, što svjedoči i o učestalosti zajedničkog društvenog života Hrvata i Mađara na teritorijama na kojima su živjeli jedni pored drugih ili zajedno. Pored toga, bogata građa ovoga rječnika mogla bi poslužiti i za istraživanje jezičkih utjecaja u više smjerova. Gledano sa više aspekata ovaj višejezični rječnik iz XVIII. st. vrlo je dragocjen, i kao povjesno-kulturni i jezički spomenik i kao vrlo bogat izvor materijala jezičkim istraživanjima ne samo hrvatskoga jezika.

LITERATURA

- Dukat, V. 1905, Jambrešićev "Lexicon Latinum". *JAZU*, t. 162, 192–234.
- Éder, Z. 1999, Szótárirodalmunk történetének mostohagyermek. *Magyar Nyelv* XCV, 404–412.
- Jambrešić, A. 1992, Predgovor i objašnjenja djela. In: *LexLat*, LVII–LXXIII. (S latinsko-ga preveo V. Vratović.)
- Nyomárkay, I. 1987, Jambrešić szótárának magyar anyaga. In: Gregor, F. – Nyomárkay, I. (red.), *Szlavisztikai tanulmányok: Emlékkönyv Király Péter 70. születésnapjára*. Budapest: ELTE Szláv Filológiai Tanszék, 317–324.
- Nyomárkay, I. 1992, Mađarska građa u Jambrešićevu rječniku. In: *LexLat*, LI–LIV.
- Šojat, A. 1992a, Latinsko-hrvatsko-njemačko-madžarski rječnik Franje Sušnika i Andrije Jambrešića. In: *LexLat*, III–XXVIII.
- Šojat, A. 1992b, Napomena. In: *LexLat*, LXXIV.
- Žepić, S. 1992, Njemački dio Sušnik-Jambrešićeva rječnika "Lexicon Latinum". In: *LexLat*, XXIX–XLIX.

Hajnalka Firisz
(*Firisz Hajnalka, ELTE, Szláv Filológiai Tanszék*
firiszhajnalka@gmail.com)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В сборнике *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica*, издающемся Институтом славистики Сегедского университета (Венгрия), публикуются работы (объемом макс. до 12 страниц) по вопросам теоретико-описательного, сравнительно-исторического исследования славянских языков, а также сопоставления их с венгерским языком на английском, немецком, русском и других славянских языках. Рукописи присылаются в редакцию по адресу: **Bibok Károly, Szegedi Tudományegyetem, Szláv Intézet, H-6722 Szeged, Egyetem u. 2. kbibok[at]lit.u-szeged.hu**. Рецензирование рукописей – в случае, если автор пишет не на родном языке – входит в обязанность автора. Рукописи, посланные в другую редакцию или уже опубликованные, не принимаются. Авторам опубликованных рукописей бесплатно высылаются по 5 оттисков статей/рецензий. Корректур авторам не высылаются. Рукописи не сохраняются и не возвращаются.

Рукописи должны быть представлены в двух видах: и как файл в формате Word for Windows и как распечатанный текст. (В этом регламенте далее имеются в виду рукописи, написанные кириллицей, однако употребление латиницы в основном не изменяет порядка оформления.)

I. Заголовок статьи пишется прописными буквами. Под ним указываются имя, (отчество) и фамилия автора (на кириллице, в таком порядке без сокращений). Затем приводятся сведения об авторе для научной корреспонденции (на языке или на одном из языков страны, в которой живет автор).

При оформлении статей авторы должны руководствоваться следующими условными обозначениями:

1. Разделы и подразделы текста статьи нумеруются и им – по необходимости – даются названия.

2. Примеры длиной в целое предложение (включая примеры из художественной литературы) нумеруются и приводятся в отдельных строках. Напр.:

- (1)   а. Петр ушел из университета около 10 ч. утра.
         б. Петр ушел из университета в начале семидесятых годов.

Ссылки на примеры такого типа в тексте оформляются так: Пример (1а) показывает, что...

Слова, словосочетания языка-объекта, входящие в состав предложений метаязыка, не нумеруются, и их принято давать курсивом. Смысловые выделения обозначаются жирным шрифтом. Для указания значений употребляются сингулярные кавычки.

Знаки «-», «-» и «-», т.е. дефис, тире (без интервалов и с интервалами) отчетливо отграничиваются друг от друга. Знаки, которые не могут быть обозначены на компьютере, аккуратно оформляются ручным способом.

Любые пропуски в цитатах (из худ. или спец. литературы) обозначаются многоточием в квадратных скобках. Объясняющие вставки в цитатах, не относящиеся к оригиналу, обязательно заключаются в квадратные скобки.

3. Ссылки на литературу приводятся сокращенно, т.е. с указанием фамилии автора, года издания и страниц (если последнее необходимо) в самом тексте по следующим образцам: Ю.Д. Апресян (1986: 66–67) отмечает... В работе Ю.Д. Апресяна (1986: 66–67) отмечается... В специальной литературе (Апресян 1986: 66–67) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом см. еще Апресян 1986); Ф. Кифер (Kiefer 1983: 34) отмечает... В работе Ф. Кифера (Kiefer 1983: 34) отмечается... В специальной литературе (Kiefer 1983: 34) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом подробнее см. Kiefer 1983).

4. Подстрочные примечания имеют сквозную (консекутивную) нумерацию.

5. Список библиографических единиц, которые в сокращенном варианте фигурируют в ссылках, оформляется – под заглавием ЛИТЕРАТУРА – по следующим образцам (первые три из них служат примером для книг, а остальные в отдельности – для статей в сборниках, в ежегодных сборниках, в журналах без указания на том и в журналах с указанием на том (с сквозной нумерацией страниц в одном томе)):

Белошапкова, В.А. (ред.) 1989, *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, изд. 2-е, испр. и доп.

Kiefer, F. 1983, *Az előfeltevések elmélete* [Теория пресуппозиций]. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Lakoff, G. – Johnson, M. 1980, *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press.

Ружичка, Р. 1988, Скрытый субъект и пустое подлежащее. В кн.: Караулов, Ю.Н. (отв. ред.), *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, 216–219.

Бархударова, Е.Л. 1991, Особенности позиционного варьирования русских согласных фонем на стыках словоформ. *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica XXII*. Szeged, 3–10.

Апресян, Ю.Д. 1986, Интегральное описание языка и толковый словарь. *ВЯ* № 2, 57–70.

Булыгина, Т.В. 1981, О границах и содержании прагматики. *ИАН СЛЯ* 40, 333–342.

Сокращения названий журналов см.: *Вопросы языкознания* 2004, № 2, 158–159. Не перечисленные там журналы даются без сокращения.

При наличии у одного автора нескольких библиографических единиц одного и того же года издания должны быть использованы (после года издания) буквы: а, б, в... или а, b, c...

Сначала приводятся публикации на кириллице по алфавиту, затем – работы на латинице.

II. Что касается рецензий, то должны быть учтены следующие отличительные черты. Название содержит полное библиографическое описание рецензируемой работы. Автор рецензии и сведения о нем указываются в конце текста. Образцы заглавий рецензий:

В.А. Белошапкова (ред.), *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, 1989, изд. 2-е, испр. и доп., 800 с.

G. Lakoff – M. Johnson, *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press, 1980, xiii + 242 pp.

X 748 185

Szövegszerkesztés és tördelés: Majoros Henrietta

Készítette a JATEPress

<http://www2.u-szeged.hu/jatepress/>

6722 Szeged, Petőfi Sándor sugárút 30–34.

Felelős kiadó: Dr. habil. Kocsis Mihály egyetemi tanár, intézetvezető

Felelős vezető: Szőnyi Etelka kiadói főszerkesztő

Méret: B/5, példányszám: 100, munkaszám: 12/2012.